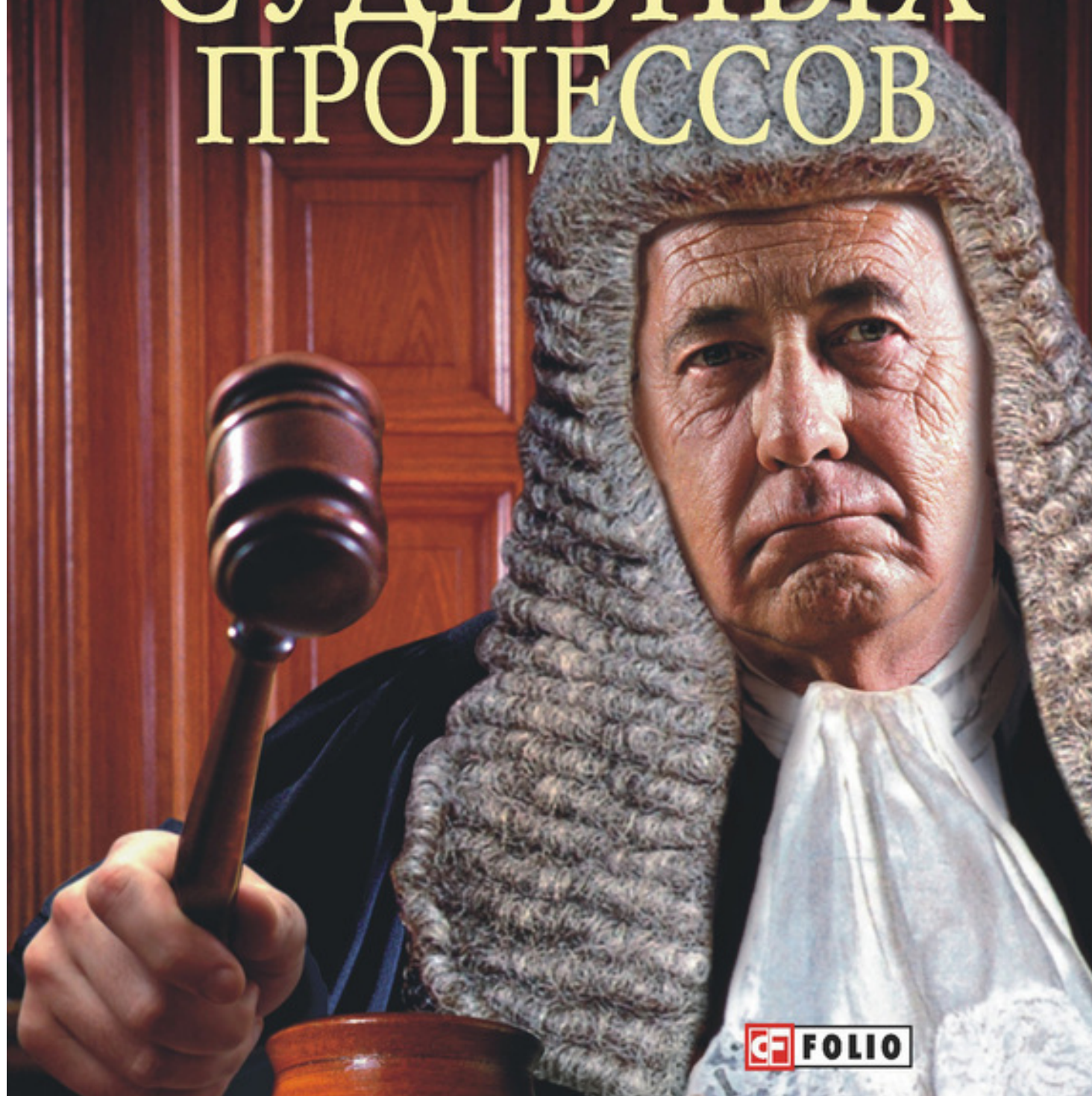

1000

ЗНАМЕНИТЫХ

СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ

100 знаменитых

Валентина Скляренко

**100 знаменитых
судебных процессов**

«ОМІКО»

2009

Скляренко В. М.

100 знаменитых судебных процессов / В. М. Скляренко —
«ОМІКО», 2009 — (100 знаменитых)

В этой книге вы узнаете о самых знаменитых судебных процессах. От тамплиеров и до Садама Хусейна от террористов до секты «АУМ Синрекё». Эти процессы до сих пор у всех на слуху.

Содержание

Правосудие во имя политики	5
Процесс тамплиеров: мифы и факты	5
Королевская кровь на плахе: первый опыт суда и следствия	10
Дело о «Пороховом заговоре»	17
Николя Фуке – жертва «Короля-солнце»	20
Первый в истории нации суд над короной	24
Жизнь и смерть на благо Отечества...	29
«заговор идей», или «Суд над намерениями»	34
«Дело 193-х», или «Большой процесс»	38
Убийство Авраама Линкольна	42
Дело Дрейфуса	46
Процесс над Николло Сакко и Бартоломео Ванцетти	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

В.М. Склярченко, В.В. Мирошникова, М.А. Панкова, Я.А. Батий

100 знаменитых судебных процессов

Правосудие во имя политики

Процесс тамплиеров: мифы и факты

Едва ли не самым громким процессом средневековья было дело тамплиеров – духовно-рыцарского ордена Храма Соломона. Со временем события, связанные с ним, обросли множеством легенд. Эти легенды стали широко использовать в произведениях так называемой массовой культуры. Наиболее полное отражение они нашли в знаменитых романах Дэна Брауна «Ангелы и демоны» и «Код да Винчи». Однако реальные факты, связанные с процессом, да и с самими тамплиерами, очень далеки от того, какими их пытаются изобразить не только писатели, кинематографисты и поклонники тайных знаний, но и некоторые ученые.

Казнь Жака де Моле

С процессом тамплиеров связано прежде всего знаменитое «проклятие тамплиеров». Вот суть этого мифа. Во время казни приговоренный к сожжению великий магистр ордена Жак де Моле будто бы проклял короля Франции Филиппа IV Красивого и папу Климента V, виновных

в его осуждении. Проклятие не замедлило сбыться. Уже через несколько месяцев и папа, и король скончались.

Если верить второму мифу, то инквизиция имела полное основание осудить тамплиеров. Ведь они оказались чернокнижниками, поклонялись дьяволу, владели секретом философского камня и другими тайными искусстваами.

Миф третий, напротив, утверждает, что тамплиеры не были еретиками и обрели огромное могущество благодаря тому, что завладели таинственным Граалем – чашей с кровью распятого Иисуса Христа (Граалем называли чашу для причащения, которая служила Христу и апостолам во время Тайной вечери).

Наконец, четвертый миф утверждает, что тамплиеры не были уничтожены, что они до сих пор играют важную роль в современных политических событиях, как правило, негативную.

Тем не менее сохранившиеся документы позволяют судить об истории тамплиеров и их процессе более прозаически. В то же время они дают яркую картину судопроизводства того времени, куда более интересную, чем романтические фантазии Нового времени.

Орден тамплиеров (храмовников) был основан в 1118 году рыцарем из Шампани Гуго де Пайеном. Знаменательно, что с французского его имя переводится как «язычник». Вначале вокруг него объединились всего девять рыцарей, которые дали обет бедности, целомудрия и послушания. Девять лет они охраняли паломников на пути к святым местам, питаясь подаянием.

Слава о рыцарях быстро дошла до завоевателя Иерусалима, короля Иерусалимского Болдуина II и аббата из Клерво, более известного как святой Бернар. Король пожаловал рыцарям кое-какую собственность, а аббат призвал Папу Римского собрать собор для официального признания ордена.

14 января 1128 года в Труа прибыли два архиепископа, десять епископов, семь аббатов и множество других духовных лиц. Одобряли создание ордена папа Гонорий и патриарх Иерусалимский Стефан. Их стараниями Гуго де Пайен и его последователи обрели устав, написанный Бернаром Клервосским, и получили право на ношение белой одежды с красным крестом – символов невинности и мученичества.

Король Болдуин подарил рыцарям дом, построенный, по преданию, на месте Иерусалимского храма, возведенного царем Соломоном. На этом месте они со временем построили здание ордена – тампль (храм). Отсюда и название – тамплиеры, то есть храмовники. Орден был не только монашеской, но и военной организацией. Его основу составляли рыцари-монахи. Но в орден принимали и светских лиц. Как правило, они служили конюшими и сержантами.

Со временем орден разросся. Крестовые походы, многочисленные пожертвования и привилегии сделали его одним из самых богатых духовных учреждений того времени. Тамплиеры первыми освоили банковские услуги, изобрели систему банковских чеков, что сделало их еще богаче и усилило их политическое влияние.

Богатства ордена вызывало зависть как у власть имущих, так и у простого народа. Неприязнь к храмовникам усиливалась и их подчеркнутая отчужденность от всех, кто не принадлежал к ордену. Даже во время встречи караванов паломников они старались не общаться с теми, кого были призваны охранять. Кроме того, ходили слухи о связях тамплиеров с сарацинами, их тайном участии в мусульманских ритуалах. Недоверие вызывала и таинственность, которой храмовники окружали свои церемонии. Все это сказалось на судьбе ордена самым трагическим образом.

В 1291 году мусульмане взяли последний оплот крестоносцев в Палестине – Акру. Орден переместился сначала на остров Родос, а потом во многие страны Европы и быстро создал там некое подобие международного государства, которое не знало границ. Скрупулезная честность в делах и прекрасно организованные банковские услуги превратили орден в мощную и надежную финансовую державу. Его командорства выросли во многих европейских городах, а вели-

кие магистры позволяли себе разговаривать на равных с королями. Такое положение не могло продолжаться до бесконечности. В начале XIV столетия над головой тамплиеров сгустились тучи.

В марте 1306 года в Париже вспыхнуло восстание. Французский король Филипп IV Красивый вынужден был искать убежище в крепости тамплиеров Тампле. Тамплиеры были его банкирами и хранителями казны Франции. Крепость занимала целый квартал в Париже. Ее обитатели были неподвластны королевскому суду и зависели только от ордена. Король воочию убедился в огромных богатствах и мощи ордена. Возможно, именно в этот момент у него родилась идея захватить эти богатства.

В деньгах Филипп очень нуждался. Помимо гигантских трат на содержание двора, ему нужны были средства и для более важной цели. Он задумал занять освободившийся в 1309 году трон императора «Священной Римской империи германского народа». Императора избирали семь электоров: архиепископы Майнцский, Трирский и Кельнский, король Богемии, пфальцграф Рейнский, герцог Саксонский и маркграф Бранденбургский. Чтобы обеспечить их голоса, требовались огромные суммы.

Кроме того, Филипп находился в конфликте с папским престолом. Незадолго до описываемых событий король с помощью Гийома Ногаре, своего советника и хранителя королевской печати, пытался добиться отречения папы Бонифация VIII, который угрожал ему отлучением от церкви. Король без каких-либо доказательств обвинил верховного понтифика в ереси и симонии – продаже церковных должностей. Только смерть спасла папу от позорного церковного собора. Однако его преемник Климент V, слабовольный, упрямый и болезненный человек, оказался в зависимости от Филиппа IV, который угрожал возобновить дело против Бонифация и тем самым опозорить Римский престол.

Имея такой рычаг воздействия на папу, король Франции и Ногаре решили добиться роспуска ордена тамплиеров, чтобы завладеть его богатствами. Необходимые факты для обоснования публичной диффамации – распространения порочащих сведений – у них были.

Около 1300 года некто Эспиус из Флуорана, осведомитель при арагонском и французском дворах, заявил, что он узнал секреты тамплиеров. Они якобы во время вступления в орден отрекались от Бога и начинали поклоняться идолу – говорящей голове, Бафомету. Об этом Эспиус сообщил Ногаре. Тот велел найти свидетелей. По его приказу в темницу Корбей было брошено несколько тамплиеров. Их содержали в большой секретности. Очевидно, кое-какие из нужных королю свидетельств от них удалось добиться.

Весной 1307 года Филипп впервые высказал Клименту V свои подозрения по поводу храмовников. Тот сначала не поверил обвинению, но со временем вынужден был согласиться на проведение суда и следствия.

14 сентября того же года Ногаре от имени короля направил секретное послание, адресованное сенешалю, бальи и прево¹. Оно было заключено в двойные конверты и должно было быть распечатано только в назначенный день и час. Неделий позже такое же письмо советник направил верховному инквизитору Гийому Парижскому. В нем содержались инструкции духовенству. Инквизиторам предлагалось допрашивать подозреваемых, которых должны были доставлять им люди короля. А 13 октября по всей стране одновременно начались аресты тамплиеров и захват имущества ордена. Папу об этом Филипп в известность не поставил.

Первым делом люди Парижского судейского округа овладели резиденцией (командорство) ордена Храма в Тампле. Великого магистра ордена Жака де Моле захватили в постели. В тот же день Филипп перебрался в Тампль и завладел имуществом ордена. А средства эти

¹ С е н е ш а л ь, или сенешал, – в южной части средневековой Франции королевский чиновник, глава судебно-административного округа (сенешальства); на севере Франции ему соответствовал б а л ь и. П р е в о с XI века называли королевского чиновника, обладавшего судебной, фискальной и военной властью в пределах административно-судебного округа. В XIII веке прево были поставлены под контроль бальи на севере Франции и сенешаля – на юге.

были огромными. Тамплиеры свезли сюда со всей Франции пожертвования на новый крестовый поход. Деньги поступали из всех командорств ордена. Они исчезли бесследно. Никто не знает даже их приблизительной оценки, ведь Филипп ни перед кем не отчитывался.

В тот период во Франции существовали 3 или даже 5 командорств ордена Храма. Они объединяли 4 тысячи тамплиеров. Однако по документам число обвиняемых не превышало тысячи. Что случилось с другими, неизвестно. Возможно, они погибли от пыток в заключении, кому-то, возможно, удалось спастись.

Храмовников обвинили в надругательстве над крестом, идолопоклонстве и содомии. Узников помещали каждого отдельно, под надежной охраной. Предполагалось двойное расследование: королевским судом и инквизицией. Однако до королевского суда дело не дошло. Инквизиция прекрасно справилась со своими обязанностями. Тамплиерам предложили признать обоснованными все обвинения, а в случае отказа угрожали пыткой. За чистосердечное же признание им обещали полное прощение. При этом их называли не обвиняемыми, а «свидетелями, поклявшимися говорить правду о себе и о других».

19 октября 1307 года Гийом Парижский начал следствие. Известно, что он и два его помощника использовали пытки, угрозы и обещания. Только в одном Париже в течение месяца было замучено 36 тамплиеров. Очень скоро инквизиторы убедили подследственных, что те никогда не выйдут из застенков живыми, если не подчинятся обвинителям. Тамплиеры пали духом и начали давать нужные инквизиторам показания. Их «свидетельства» записывали нотариусы и подписывали специально приглашенные свидетели.

Уже после 11 дней заключения Жак де Моле признался в отречении от Христа и фактах оплевывания креста, но отверг другие обвинения. Пыток к нему не применяли. Повидимому, он надеялся на защиту папы. Однако Климент V, узнав о признаниях де Моле, поверил в виновность храмовников и издал приказ об арестах тамплиеров во всех странах Европы и конфискации их имущества.

Обвинения тамплиеров в ереси, отрицании божественной сущности Христа, видимо, были справедливы. Известно, что с 1136 года в соответствии с Уставом храмовники могли принимать в свои ряды рыцарей, отлученных от церкви за святотатство, ересь, богохульство и убийство. Поэтому к ним примкнула значительная часть гонимых церковью последователей ереси катаров, которые отрицали божественность Христа, одобряли самоубийство и т. п. Очевидно, многое из своих тайных доктрин тамплиеры почерпнули на Востоке. В то же время поражает разница в показаниях подследственных. С 11 апреля 1309 года по 26 мая 1311 года было допрошено 225 тамплиеров: рыцарей, приоров, священников и слуг. Из них без всяких пыток 107 тамплиеров признали, что во время вступления в орден отреклись от Христа, однако они плевали не на крест, а в сторону; 16 человек утверждали, что во время их посвящения они ни с чем подобным не сталкивались; 153 отрицали, что им разрешалось мужеложство, чтобы не грешить с женщинами. Однако 72 признали, что получали такие рекомендации, но ими не воспользовались; 219 свидетельствовали, что никогда никаким идолам не поклонялись. Эти и многие другие факты, изложенные в документах процесса, толкуют по-разному. С одной стороны, утверждают, что тамплиеры были просто запуганы и клеветали на себя, чтобы получить обещанную свободу или избежать страшной казни на костре. С другой стороны, предполагают, что не все братья ордена имели одинаковую степень посвящения. Большинству были не известны многие его тайны, поэтому и говорить им было не о чем. Именно эти противоречия и стали главной почвой для мифологизации истории тамплиеров. В то же время среди подследственных оказались и такие, которые выдержали страшные пытки и настаивали на том, что все обвинения являются клеветой.

Скорее всего, решающую роль в результатах следствия сыграли заранее сформулированные судьями признания, которые они предлагали допрашиваемым подтвердить. Все обвинения, предъявленные тамплиерам, остаются спорными по сей день. Но как бы то ни было, сам

факт признания вины, при существовавшей в практике судов инквизиции презумпции виновности, однозначно обрекал тамплиеров на гибель, а орден на полную ликвидацию. Это только усиливало позиции короля и ослабляло положение Климента V.

Вскоре ключевые фигуры процесса – Жак де Моле и генеральный смотритель Храма Гуго де Пейро – отказались от своих признаний. Великий магистр ордена сумел передать некоторым заключенным вожденные дощечки с призывом последовать его примеру. Он все еще надеялся на помощь папы. Но надежда была напрасной и теперь он оказался в еще худшем положении. В судебной практике инквизиторов существовал определенный порядок: считалось, что всякий еретик, отказавшийся от своих признаний, вновь впадет в ересь, а значит, подлежит сожжению на костре.

В 1311 года орден был ликвидирован. Еще до оглашения приговора по приказу епископа Сансского 54 тамплиера, вызвавшиеся защищать свой орден против несправедливых обвинений, были сожжены как упорствующие еретики. По словам свидетелей, несчастные во время казни не переставали кричать, что их «тела принадлежат королю, а души Богу». Всего же было сожжено 68 тамплиеров, в том числе Жак де Таверни, духовник короля.

19 марта 1314 года, спустя семь лет после ареста, Жак де Моле и главный командор Нормандии Жоффруа де Шарнэ были сожжены заживо на острове Ситэ. Перед казнью великий магистр после молитвы обратился к присутствующим. Он заявил, что орден оклеветали, что сам он испугался пыток, а также был обманут лживыми словами папы и короля, что Бог отомстит за смерть его и братьев-тамплиеров. Последними словами де Моле стала просьба привязать его лицом к собору Богоматери.

Папа умер через несколько недель после гибели великого магистра. Это и неудивительно, ведь врачи пытались лечить его многочисленные немощи толчеными изумрудами. Такого лекарства не смог бы выдержать и более здоровый организм. А 29 ноября в Фонтенбло умер Филипп IV. По одной версии причиной стал инсульт, по другой – отравление, которое приписывали тамплиерам.

В других странах Европы комиссии, заседавшие по делу тамплиеров, не смогли собрать убедительных доказательств их вины. В Испании собор отверг все обвинения храмовников в ереси. А на Кипре вся знать, горожане и священники засвидетельствовали добропорядочность тамплиеров.

Часть храмовников волилась в основанный в 1319 году португальским королем Дионисием орден Христа. В том же году по просьбе арагонского короля в Арагоне, Валенсии, Каталонии, на Сицилии и Корсике, чтобы собрать уцелевших тамплиеров, был создан орден Святой Марии Монтесской, который был позже передан в ведение рыцарей ордена Калатравы. Однако уже через тридцать лет об ордене забыли. Воспоминания о нем сохранилось только в народных легендах. В XIX столетии тамплиеры возникли из небытия, разбуженные первыми романтиками. Именно писатели и поэты того времени проложили путь мифологизации ордена. И только сравнительно недавно архивисты и археологи начали работать над документами, которые дают возможность восстановить истинную историю ордена Храма Соломона.

Королевская кровь на плахе: первый опыт суда и следствия

Судебный процесс по делу королевы Шотландии Марии Стюарт стал первым в европейской практике опытом, который закончился казнью особы королевской крови. Именно благодаря ему стали возможны суды над английским королем Карлом I Стюартом, французскими монархами Людовиком XVI, его женой Марией Антуанеттой и их казнь. Они ознаменовали переход от монархической власти к власти большинства.

Мария Стюарт

В средние века монархам приписывали необыкновенные свойства. Молва твердила, что одним своим прикосновением они могли приносить исцеление страждущим. Их считали помазанниками Божиими – власть им, как утверждала Библия, была дана от Бога. Поэтому особа монарха считалась священной и неприкосновенной. Его нельзя было судить и тем более казнить. Правда, в счет не шли всякого рода преступления, связанные с насильственным устранением монархов, которые организовывали претенденты на трон. Это было внутренним делом правящей верхушки. Но судебная власть на монархов не распространялась. Как сказал Стефан Цвейг, «у ступеней трона правосудие умолкает».

Мария Стюарт была дочерью шотландского короля Якова V и Марии де Гиз, женой рано умершего французского короля Франциска II Валуа. При этом она заявила о своих правах и на английский престол.

В Англии же того времени сложилась сложная династическая и политическая ситуация. После смерти короля Генриха VIII, который ввел в Англии протестантизм в виде англиканства, английский трон унаследовала его дочь от брака с испанской принцессой Марией Арагонской, известная в истории как Мария Кровавая. Она царствовала 16 лет. За это время в стране было реставрировано католичество, а приверженцы Реформации подверглись жестоким преследованиям.

Политика Марии вызвала протест со стороны нового дворянства, нарождающейся буржуазии и простого народа. Поэтому когда престол заняла дочь Генриха VIII и Анны Болейн Елизавета, английские протестанты ликовали, а католики с первых же дней ее правления начали организовывать заговоры с целью свержения молодой королевы.

Елизавете было чего опасаться. Развод ее отца Генриха VIII с Марией Арагонской не был признан Римом. Но это было еще не все: ее любвиобильный отец, стремясь расторгнуть свой брак с Анной Болейн, матерью Елизаветы, обвинил Анну в супружеской измене и казнил, а Елизавету парламентским актом объявил незаконнорожденной. Если бы не поддержка протестантов в королевстве, Елизавета вряд ли стала бы королевой. И ее беспокоило поведение родственницы – Марии Стюарт, которая на момент ее, Елизаветы, восшествия на престол была женой наследника французского престола и заявила о своем праве называться еще и королевой Англии, кроме того, что уже была королевой Шотландии, а через год после этих событий стала и королевой Франции. (На рыцарском турнире был смертельно ранен Генрих II, и вскоре королем Франции стал шестнадцатилетний Франциск II, муж Марии Стюарт.)

Свои претензии на трон Англии Мария Стюарт обосновывала тем, что была правнучкой Генриха VII Тюдора (ее бабка по отцу была старшей сестрой Генриха VIII), и, таким образом, Мария приходилась внучатой племянницей Генриху VIII и племянницей нынешней королеве Англии Елизавете, но, в отличие от последней, никто не мог назвать ее незаконнорожденной. Королева Англии была оскорблена. Она отказалась признать право Марии Стюарт на английский трон.

Ситуация в Шотландии тоже не была стабильной. Первенство на политической арене здесь в то время приобрела шотландская знать, которая исповедовала кальвинизм – одно из самых распространенных религиозных протестантских направлений. Шотландских кальвинистов поддерживала протестантская Англия. И в такую страну в начале 1651 года вернулась с малых лет воспитанная в католической Франции Мария Стюарт (она попала туда в пятилетнем возрасте).

Молодая, привыкшая к роскоши и развлечениям королева оказалась в бедной суровой стране, где все для нее было чужим. Она была вынуждена подчиниться обстоятельствам и назначила первым министром своего сводного брата, незаконнорожденного сына Якова V, протестанта графа Меррея.

Последующие три года в стране фактически правил Меррей. Королева лишь председательствовала. Как будто бы наладились и отношения с Елизаветой. Королевы стали обмениваться письмами и подарками. К сожалению, Мария, в отличие от Елизаветы, не была дальновидным политиком. Она была капризна и честолюбива. Шотландской короны королеве было мало. Она с удовольствием сменила бы ее на корону другого, богатого и сильного, королевства. Поэтому очень скоро перешла на сторону католической партии, вступив в союз со своими родственниками во Франции де Гизами.

Союз католических стран в то время фактически возглавляла Испания и Папа Римский. Некоторое время между шотландским и испанским дворами шли переговоры о возможном браке между Марией и наследником испанского престола доном Карлосом. Однако Карлос мед-

лил с ответом, а Елизавета между тем всячески стремилась помешать этому браку. Она отлично понимала, что такое замужество усилит позиции католицизма в Шотландии. Она допускала и возобновление притязаний Марии Стюарт на английский престол в этом случае. Поэтому королева Англии сама решила подыскать жениха «любимой сестре», как в письмах она называла Марию.

Первой кандидатурой стал Роберт Дадли. Трудно сказать, почему Елизавета решилась предложить этот скандальный вариант. Дадли не принадлежал к королевскому роду. Он был обыкновенным дворянином, которого срочно возвели в ранг графа Лестерского, к тому же Дадли слыл любовником Елизаветы. Стюарт с возмущением отказалась.

В это время в Шотландии находился один из английских принцев крови – Генри Дарнли, который по материнской линии был правнуком Генриха VII, то есть кузеном Марии, и к тому же католиком. Дарнли был молод, красив, прекрасно держался в седле и танцевал. Жених, правда, не отличался умом, но шотландская королева страстно влюбилась. Против этого брака выступил Меррей. Он понимал, что этот союз означал реставрацию католицизма в Шотландии. Сильно встревожилась и Елизавета. Она приказала Дарнли вернуться в Англию, пригрозив конфисковать все земли его отца. Но тот не послушался. Тогда Елизавета предложила Марии сделку. Она выразила готовность признать права Марии Стюарт на английский престол в случае своей смерти, если та откажется от брака. Но для влюбленной женщины трон Англии уже не имел цены. Ранним утром 29 июля 1565 года венчание состоялось.

Тогда Елизавета решила организовать в Шотландии мятеж. Она не жалела денег для подкупов. Однако мятежные бароны в конце концов покорились своей государыне, а Меррей был вынужден бежать в Англию.

Но брак Марии оказался очень неудачным. Когда очарование первых месяцев замужества прошло, королева увидела рядом с собой тщеславного юнца, глупого и заносчивого, который сорил деньгами и упивался обретенной властью. Тогда Мария лишила мужа всех привилегий и перестала приглашать на заседания государственного совета. Супружеские отношения тоже были прерваны. Как только Мария узнала, что беременна, она отказала Дарнли в супружеской близости, якобы для того, чтобы не навредить ребенку.

Дарнли был в ярости. Его только поманили властью и теперь отбросили, как ненужную вещь. Он везде и всюду жаловался вельможам на королеву и в конце концов произошло невозможное – он согласился возглавить заговор против своей жены, королевы шотландской.

Особенную ненависть у вельмож-протестантов вызывал личный секретарь королевы пьемонтец Риччо. Бывший певчий, он за свою верную службу удостоился покровительства и дружбы королевы. А протестанты считали его папским агентом и хотели уничтожить. Муж королевы согласился возглавить заговор с целью устранения Риччо, заранее даровав убийцам свое прощение, о чем они и заключили письменное соглашение, так называемый бонд.

9 марта 1566 года вечером во время ужина в королевских покоях, куда ворвались заговорщики, они убили Риччо, а королеву фактически посадили под домашний арест – заперли в спальне и даже не допускали к ней ее слуг. Мария Стюарт решила действовать хитростью: она прикинулась испуганной и умоляла супруга помочь ей. Слабохарактерный и недалекий Дарнли согласился обмануть своих недавних сообщников и вместе с королевой бежал из замка Холируд. Оказавшись на воле, Мария поклялась отомстить.

Первым делом она объявила народу, что Дарнли не причастен к заговору и внешне изменила свое отношение к мужу. Супруги вернулись в Холируд в полном согласии. 19 июня 1566 года у них родился сын, будущий король Англии Иаков I. Елизавета поздравила родителей и на крестины подарила новорожденному золотую купель, украшенную драгоценными камнями.

Королева Мария очень изменилась. Несмотря на счастливое разрешение от бремени, она была мрачна и часто плакала. Она снова влюбилась. Ее избранником на сей раз стал верховный адмирал и главнокомандующий вооруженными силами Шотландии Джеймс Хепберн, граф

Босвел. Это был сильный и смелый воин авантюрного склада. Хотя Босвел был женат, а Мария Стюарт замужем, все равно они стали любовниками. Однако Босвел вскоре охладил к королеве. Она понимала: единственное, чем она может привязать его к себе, это корона Шотландии. Она могла сделать его королем. Конечно, королева могла развестись с мужем, но это плохо отразилось бы на ее сыне, его стали бы считать незаконнорожденным. И, по-видимому, Мария решилась на преступление. В стремлении избавиться от никчемного короля ее поддерживали многие лорды.

В это время Дарнли, который как будто бы что-то предчувствовал, уехал в свой родовой замок, где перенес оспу. Мария поехала за ним и уговорила вернуться в Холируд – она сама заманила его в ловушку. Но Дарнли отвезли не в королевский замок, а поместили в небольшом одиноко стоящем доме за городской стеной Эдинбурга, так как якобы опасались распространения оспы. Мария часто навещала мужа. 9 февраля она как обычно появилась в домике, но вскоре ушла, так как спешила в замок на свадьбу слуг. А в два часа ночи страшный взрыв разнес в щепки дом, где находился король и его слуги. Их трупы нашли в саду; поговаривали, что их задушили.

Поведение королевы после смерти мужа многим казалось странным. Она не соблюдала траура и ничего не сделала, чтобы разыскать и наказать виновных. Правда, тем, кто назовет имена убийц, была обещана награда в две тысячи шотландских фунтов. Однако желающие так и не объявились, а на рыночной площади появились афишки, где убийцей называли Босвела и его слуг. Тем не менее Мария приняла его в замке лорда Сентона, куда вместо приличного для нее уединения отправилась погостить.

Теперь даже Папа Римский, ее всегдашний покровитель, гневно обличал королеву. Елизавета настойчиво советовала ей не бояться задеть тех, кто ей близок, но виновен, то есть Босвела. Однако Мария потеряла всякую осторожность. Тогда отец Дарнли, граф Ленокс, потребовал ареста Босвела. Королеве пришлось дать согласие на суд над дорогим ей человеком. Однако Босвел не растерялся. В его руках была армия. Он явился в зал заседаний с мечом на боку и в окружении вооруженного отряда. Граф Ленокс, опасаясь за свою жизнь, на суд не явился, а судьи по той же причине вынесли обвиняемому оправдательный приговор.

Елизавета направила Марии второе письмо. Она писала: «Даже если бы Вы не ведали за собой вины, однако такого попустительства было бы достаточно, чтобы Вас лишили королевского сана и отдали на поругание черни. Но чем быть подвергнутой такому бесчестию, я бы пожелала Вам честно умереть».

Однако вопреки здравому смыслу Мария решила обвенчаться с Босвелом. К тому времени его брак был расторгнут. Предлогом послужило близкое родство супругов. Мария понимала, что такой мезальянс вызовет страшное возмущение в королевских домах Европы. Она рисковала стать изгоем. Тогда Босвел придумал план. Он должен был инсценировать похищение королевы. В таком случае ее честь могла быть восстановлена только заключением брака с похитителем. 21 апреля 1567 года план был приведен в исполнение. И уже 15 мая королева тайком обвенчалась с любовником по протестантскому обряду.

Однако расчеты Марии и Босвела не оправдались. Ни в Европе, ни в Шотландии никто не верил в похищение. Все были уверены в том, что оно было совершено с согласия королевы. Елизавета перестала отвечать на письма Марии. Не было известий и из Франции. Чувствовалось осуждение и со стороны придворных.

Результатом опрометчивого поведения шотландской королевы стал мятеж шотландских лордов. Их войско захватило Эдинбург и двинулась на крепость Бортуик, где в это время Мария и Босвел пытались переждать бурю. Силы были слишком не равными. Королеве поставили условие: она должна отказаться от брака с Босвелом и вместе с войском лордов вернуться в Эдинбург. Ей пришлось согласиться, а Босвел вынужден был спасаться бегством.

Королеву везли в столицу в окружении солдат, что само по себе было для нее унижением. Потом ее заключили в замок Лохливен, который находился посреди озера и был отрезан от суши. Под угрозой обвинения в убийстве Дарнли Марию заставили отречься от престола в пользу Иакова. Регентом при малолетнем короле стал Меррей.

В Европе по-разному отнеслись к заключению королевы. А в Шотландии ее стали считать особой, которая недостойна королевского венца. Однако неожиданно на ее сторону встала Елизавета. Английская королева понимала, что, защищая Марию, она защищает собственную королевскую власть. Королевскому совету Шотландии Елизавета написала несколько писем. В одном из них она увещевала мятежников: «Вашего обращения с королевой Шотландии мы не можем ни одобрить, ни стерпеть. Велением Божиим вы – подданные, а она ваша госпожа, и вы не вправе приневолить ее к ответу на ваши обвинения». Однако лорды не вняли письмам королевы соседнего государства, и Елизавете пришлось отступить.

Босвел был далеко. Он бежал в Данию, но прислал в Эдинбург слугу, который должен был выкрасть из его дворца ларец с важными бумагами. Посланца схватили и подвергли пыткам. Не выдержав их, слуга выдал тайник. Ларец был найден и открыт в присутствии шотландских лордов. В нем находились бумаги Босвела, письма и сонеты королевы и другие важные документы. Они свидетельствовали о причастности королевы к убийству Дарнли. В шотландском парламенте «письма из ларца» были зачитаны вслух. Их содержание стало широко известно и в Европе. Однако уже тогда многие считали эти письма подделкой. В наши дни ученые тоже разделились на два лагеря: одни считают их фальсификацией, другие убеждены в их подлинности.

Казалось, Марии не на что надеяться. Но она продолжила борьбу. 2 мая 1568 года ей с помощью Джорджа Дугласа, одного из лордов-католиков, удалось бежать из Лохливена. Мятежный лорд сумел собрать под ее знамена 6 тысяч воинов. Однако 13 мая Меррей разбил это войско. Марии пришлось бежать в Англию и обратиться за помощью к Елизавете. С этого момента фактически и начинается история суда, а точнее, судов над шотландской королевой.

Елизавета отказалась от свидания с Марией и выдвинула условие: та должна очиститься от обвинения в соучастии в убийстве Генри Дарнли. Мария Стюарт после некоторого колебания согласилась. Для расследования дела была создана комиссия из английских пэров. Главным обвинителем был Меррей, а защищал Марию епископ Лесли. Первый суд не нашел достаточного количества улик против королевы. Однако и подозрения с шотландской королевы сняты не были. Елизавета по-прежнему не допускала ее ко двору, но и выпускать из Англии не хотела, опасаясь за свою власть и судьбу протестантизма в стратегически важной для Англии Шотландии.

Практически Мария находилась в заточении, хотя ей и не вынесли обвинительного приговора. Ее переводили из замка в замок, хотя содержали с комфортом. Бывшая королева ела на серебре. Ее покои освещались дорогими свечами. У нее было около пятидесяти слуг. Елизавета ежегодно выдавала на содержание узницы 52 фунта. Ежегодный пенсион в 1200 фунтов присылали из Франции.

Но Мария Стюарт не смирилась. С первых же дней заточения она сумела установить контакты со своими сторонниками в Париже, Мадриде и Шотландии и вела с ними оживленную переписку. Письма прятали в белье, книгах, под подошвами обуви, в крышках футляров с драгоценностями. Однако очень скоро все каналы общения королевы с внешним миром становились известны английскому министру полиции Уолсингему. Друзья Марии все чаще попадали в тюрьму или на плаху.

Пиком интриг Марии стали события 1572 года. Неожиданно судьба дала королеве шанс вырваться из неволи. Ей обещал помочь герцог Норфолк, который возглавлял первый суд над Марией и был одним из крупнейших феодалов в Европе. Очевидно герцог рассчитывал на брак с Марией, что давало ему шанс занять английский трон. Мария ответила согласием. Тогда Норфолк поднял мятеж, его поддержало католическое население. Однако он был разбит и каз-

нен. Эти события в который раз напомнили Елизавете, что Мария Стюарт все так же опасна. Выяснилось, что герцог и Мария вели тайную переписку с Филиппом Испанским.

Последней надеждой Марии оставался ее сын Иаков. Она попыталась наладить с ним связь. Однако молодой король был воспитан врагами своей матери. К тому же Елизавета, испугавшись, что они договорятся, пообещала Иакову английский престол после своей смерти. Между ними был подписан тайный договор, и Иаков окончательно отвернулся от матери. Мария прокляла сына.

Между тем положение Елизаветы на международной арене усугубилось. Против нее выступали все католические государи. Папа Римский отлучил ее от церкви, а в 1580 году объявил, что всякий «убивший Елизавету с благочестивыми намерениями совершит Божье дело». Было раскрыто несколько заговоров, имевших целью устранение Елизаветы. В этой ситуации Мария стала представлять нешуточную угрозу для английской королевы. Католики в Англии пытались сделать ее своим знаменем в борьбе против протестантизма и власти Елизаветы.

Режим содержания пленницы был ужесточен. За ее слугами постоянно следили, чтобы лишить их возможности покидать замок и передавать письма на свободу. Любые посылки королевы тщательно досматривались. Марию лишили лошадей. Теперь она не могла совершать прогулки. Но Елизавете и ее министрам и это казалось недостаточным. Было решено устроить ловушку, чтобы обвинить узницу в организации заговора с целью убийства английской королевы.

Главным организатором провокации стал Уолсингем. Узнав об очередном заговоре, он не стал арестовывать его участников, а, наоборот, стал провоцировать их. Марию перевезли в замок Чартли, который находился рядом с поместьем дворян-католиков. Контроль над ней был как будто бы ослаблен. К королеве допустили молодого мелкопоместного дворянина Бабингтона, который хотел освободить королеву Шотландии. Он наладил передачу тайных писем, которые прятали во флягу и опускали в бочку с пивом для слуг. Однако эти письма не были тайной для полиции. Их предварительно расшифровывали, прочитывали и копировали и только потом отправляли в замок.

Наконец, в одном из писем, Мария, подстрекаемая своими сторонниками, дала согласие на убийство Елизаветы. Капкан захлопнулся. Письмо тотчас изъяли. Все заговорщики, в том числе и шотландская королева, были арестованы.

Елизавета торжествовала. Однако она четко осознавала, что все же оказалась в сложном положении. Казнь королевы ставила под сомнение божественную природу власти монархов, то есть ее собственную. Вот если бы Мария во всем созналась, покалась и отдалась на личную волю Елизаветы, суда можно было бы избежать. Тогда ее можно было бы безбоязненно держать где-нибудь в уединенном замке до самой смерти. А весь мир восхищался бы милосердием английской монархини.

Однако Мария наотрез отказалась признать себя виновной, но согласилась дать объяснения посланцам королевы, то есть фактически предпочла судебное разбирательство. Суд на Марией Стюарт проходил в парадном зале замка Фотерингей – месте ее последнего заключения. В глубине зала на возвышении стояло кресло под королевским балдахином. Оно символизировало власть английской королевы. Кресло для Марии стояло несколько ниже. Не желая ни в чем поступаться своим королевским величием, Мария отказалась сесть на предназначенное ей место. «Я королева, – заявила она, – я была супругой французского короля, и мне надлежит сидеть выше».

Главных свидетелей – Бабингтона и его товарищей – незадолго до этого поспешно казнили. Судьи зачитывали их письменные показания, полученные под пыткой. Главные документы, в том числе и основные улики, были представлены не в оригиналах, а в списках. Мария имела полное право заявить: «Как могу я быть уверена, что мои письма не подделаны для того, чтобы было основание меня казнить?»

Впрочем, это заявление судьи не приняли во внимание. Адвоката у подсудимой не было, а она не была знакома с английскими законами, поэтому заранее была обречена на проигрыш. Вместо того чтобы сосредоточиться на сомнительных пунктах обвинения, Мария начала лгать, поставив под сомнение все свои заявления. Несмотря на то что было легко доказать ее знакомство с Бабингтоном, она его вначале отрицала.

28 октября суд в последний раз собрался в Вестминстерской Звездной палате и огласил приговор. Не считал доказанной вину королевы только лорд Зуч, которого не убедили доводы обвинения. Суд провозгласил: «...названная Мария Стюарт, притязаящая на корону сего, английского, государства, неоднократно измышляла сама и одобрила измышленные другими планы, ставящие себе целью извести или убить священную особу нашей владычицы, королевы Английской». Такое преступление заслуживало только смертной казни. Елизавета должна была признать или отклонить решение суда.

Многие придворные убеждали ее: спокойствие в стране наступит только после смерти Марии Стюарт. Живая, она всегда будет создавать угрозу для власти английской королевы. Было известно, что Филипп Испанский собирается организовать десант на остров, чтобы освободить Марию. Было ясно, что в его руках она станет серьезным козырем в политической игре с целью уничтожения протестантизма в Англии. Однако французский посол предостерег Елизавету, что она погрешит против Господа, подняв руку на королеву.

Елизавета долго колебалась. Наконец она нашла выход из положения. 1 февраля 1587 года второй государственный секретарь Девисон принес на подпись к королеве смертный приговор шотландской королеве. Елизавета сделала вид, что по рассеянности в числе других подписала и этот документ. 8 февраля приговор был приведен в исполнение.

Узнав об этом, Елизавета разыграла целый спектакль. «Кто осмелился без моего приказа казнить королеву Шотландии!» – кричала она. Всю вину за происшедшее она возложила на «нерадивых» придворных, в первую очередь на Девисона. Против него было возбуждено уголовное дело. Жертву политической интриги приговорили к штрафу в 10 тысяч фунтов и тюремному заключению. Якову Шотландскому английская королева направила письмо, в котором призывала Бога в свидетели того, что она не виновна в казни его матери. Впрочем, этому в Европе не поверил никто. Тем не менее каких-либо действий со стороны венценосных особ эта казнь не вызвала. Заблудшая овца упокоилась с миром.

С тех пор трагическая, полная страстей история Марии Стюарт интересовала только литераторов и историков. Ей посвящено множество романов, где красавица-королева, как правило, представлена несчастной жертвой подлых интриг злодейки Елизаветы. Авторы подобных произведений забывают, что Мария Стюарт все-таки была причастна к смерти своего мужа Генри Дарнли. Поддержала она и заговор (не важно, что его сфальсифицировали) против Елизаветы, чтобы лишить соперницу жизни. Просто в этом споре «кто – кого» победила не она.

Обе королевы покоятся в Вестминстерском аббатстве. Именно сюда, в усыпальницу английских королей, по приказу сына Марии Стюарт Якова был перевезен ее прах. Это случилось уже после смерти Елизаветы, когда сын ее соперницы занял трон Англии. Так, в конечном счете, на английском троне утвердились Стюарты.

Дело о «Пороховом заговоре»

В ноябре 2006 года Великобритания праздновала 400-летие «порохового заговора». Этот национальный праздник, известный также под названием «заговора Гая Фокса» или «праздника фейерверков», отмечается в Соединенном королевстве ежегодно (5 ноября). В основе этой традиции лежат реальные исторические события, связанные с попыткой католиков ликвидировать в Англии протестантизм. Заговор был раскрыт, а его главарь предстал перед судом и понес жестокое наказание.

Гай Фокс

После смерти Елизаветы I, исповедовавшей англиканство, на английский трон в 1603 году взошел сын ее непримиримой противницы, католички Марии Стюарт, которую она отправила на плаху, Яков I. Однако он не предпринял даже попытки изменить господствующую религию. В 1604 году по его приказу в стране было даже проведено несколько показательных казней католиков. Это не понравилось противникам англиканства, и они решили убить нового монарха, а заодно уничтожить и парламент. После смерти короля предполагалось возвести на престол его малолетнюю дочь принцессу Елизавету, которая должна была стать католической королевой Англии, Шотландии и Ирландии. Регентами при ней должны были быть католики.

День для осуществления этого акта был определен очень удачно: 5 ноября 1605 года король должен был выступить с тронной речью во время открытия сессии парламента перед обеими его палатами и представителями судебной власти.

Известно, что о готовящемся покушении знал глава английских иезуитов, отец Генри Гарнет. Но главными его вдохновителями и организаторами были Роберт Кэйтсби, Томас Уинтер, Томас Перси, Джон Райт и Гай Фокс. Позже к ним присоединились еще восемь человек, в том числе Роберт Кейс и Фрэнсис Трэшем. Последний, как предполагают некоторые исследователи, мог быть провокатором.

В доме рядом с палатой лордов, где предполагалось выступление короля, заговорщики арендовали помещение, чтобы прорыть подземный ход в подвал под залом заседаний. Однако позже план был изменен. Томасу Перси удалось заключить аренду на пользование помещением, которое находилось непосредственно под залом.

Бросается в глаза, что английские власти в то время были удивительно беспечны и как будто совсем не заботились о своей безопасности. Внимание охраны Якова не привлекло даже то, что с противоположного берега Темзы в здание парламента было переправлено 36 бочонков с порохом. Общий его вес составлял примерно 2,5 тонны. Такого количества взрывчатки хватило бы для уничтожения не только парламента, но и окружающих строений, в том числе могло сильно пострадать Вестминстерское аббатство – усыпальница английских королей. Тем не менее, бочки беспрепятственно разместили в арендованном помещении и прикрыли дровами и углем. Однако некоторые современные исследователи высказывают предположение, что заговорщикам просто позволили проделать все это.

Гай Фокс никогда не возглавлял заговор, но он был среди заговорщиков единственным, кто умел обращаться со взрывчатыми веществами, поэтому именно ему было поручено зажечь фитиль. После этого он должен был незаметно скрыться из Лондона, а потом вообще покинуть страну. В это время его соратники, заблаговременно покинувшие Лондон, должны были поднять восстание в тех графствах, где позиции католиков были особенно сильны.

Однако, как уже было отмечено, некоторые историки предполагают, что сам заговор являлся провокацией, которая была организована либо королем, либо кем-то из его окружения. А главной его целью была дискредитация иезуитов и укрепление протестантизма в стране. Однако и сами заговорщики не слишком заботились о сохранении тайны. Поэтому вскоре о готовящемся покушении стало известно многим.

26 октября католик лорд Монтигль получил анонимное письмо. Неизвестный доброжелатель (скорее всего это был Трэшем, который доводился лорду свояком) советовал ему для сохранения жизни не ходить на церемонию открытия парламента. Монтигль как законопослушный подданный направился с письмом к государственному секретарю Роберту Сесилу. Тот, в свою очередь, рассказал обо всем королю. Заговорщикам стало об этом известно, но они не стали менять своих планов. Ведь Гай Фокс лично осмотрел склад и убедился, что к пороху никто не прикасался. (Наивности этих людей приходится только удивляться.)

В ночь с 4 на 5 ноября в здании парламента был произведен обыск. Охрана обнаружила не только порох, но и Фокса, который представлялся слугой лорда Перси и сказал, что это уголь предназначен для отопления соседнего здания. Однако утром он с часами, бикфордовым шнуром и фонарем зачем-то вышел из здания и был схвачен людьми, посланными для повторного осмотра подвала.

Утром Фокса доставили к Якову. Там он прямо заявил, что собирался уничтожить короля и парламент. После такого заявления надеяться заговорщику было не на что. Его незамедлительно доставили в Тауэр. После санкционированных королем пыток Гай Фокс выдал всех заговорщиков. К 12 ноября все участники заговора были арестованы или убиты в момент задержания.

27 января 1606 года состоялся показательный судебный процесс. Все заговорщики были признаны виновными в государственной измене и приговорены к мучительной казни, 30 и 31 января их повесили, а затем четвертовали. Головы и отдельные части тел были выставлены на всеобщее обозрение в столице, дабы показать всем, что всякий покусившийся на власть

преступник закончит жизнь так же мучительно и позорно. Впрочем, сожалели о заговорщиках только католики. Протестанты уже на следующий день после ареста Фокса жгли костры и радовались провалу заговора.

Позже парламент принял специальный закон: в день 5 ноября всем жителям Великобритании надлежало радоваться и благодарить Бога за спасение короля и государства. Этот закон был отменен только в 1859 году. Однако англичане, известные своим пристрастием к традициям, продолжают и в наши дни праздновать «день Гая Фокса» («праздник фейерверков»). Вечером 5 ноября во всех городах Великобритании жгут костры и организуют фейерверки. Иногда по старой традиции на кострах сжигают соломенные чучела в старой одежде. Это символизирует казнь Гая Фокса – истового католика, который хотел, чтобы власть Папы Римского в его стране была восстановлена. Увы, его смерть и смерть его товарищей только усугубила положение гонимых приверженцев католицизма в Англии. Католикам было запрещено исповедовать их веру. Они не могли служить офицерами в армии и на флоте, участвовать в выборах. Только через 200 лет католики были уравнены в правах с протестантами.

Со времен «порохового заговора» прошло 400 лет. Но каждый год перед церемонией торжественного открытия парламента переодетые в старинные одежды стражники обыскивают все закоулки дворца. Этим, конечно, охранные мероприятия не ограничиваются. Но этот костюмированный обыск является данью одной из многочисленных и незыблемых английских традиций.

Николя Фуке – жертва «Короля-солнце»

Суд над суперинтендантом финансов Людовика XIV Николя Фуке считается одним из самых крупных процессов XVII столетия. Недаром события, ему предшествовавшие, привлекли внимание Александра Дюма. Он описал их в романе «Виконт де Бражелон». Однако действительная история блестящего вельможи, авантюриста и казнокрада Николя Фуке значительно отличается от развития событий, описанных великим французским романистом.

Николя Фуке

Николя Фуке был сыном советника французского парламента. Таким образом, ему изначально была уготована судьба занять какой-нибудь значительный пост если

не при дворе, то в провинции. Фуке начал интендантом в Дофине, потом занял такую же должность в армиях Каталонии и Фландрии. Со временем его перевели в Париж, где во время волнений, связанных с Фрондой, молодой человек сблизился с кардиналом Мазарини. Первый министр Франции ввел Фуке в состав Государственного совета, сделал министром, главным директором Компании островов Америки и, наконец, суперинтендантом. Сам же герой очерка в 1650 году купил себе должность главного прокурора при Парижском парламенте, что и позволяло ему долгое время оставаться безнаказанным.

В скором времени финансы Франции благодаря усилиям Фуке пришли в расстройство, зато сказочно обогатился сам суперинтендант. С 1654 года, всего через год после вступления в должность, Фуке перестал вести учет получаемых доходов, тратил огромные суммы на празд-

нества, любовниц и шпионов, путая государственную казну с собственным карманом. Образ жизни суперинтенданта своей пышностью во много раз превосходил образ жизни Людовика XIV. Это не могло не вызывать раздражения и зависти у короля. Однако пока был жив Мазарини, руки у Людовика были связаны. Но Фуке умудрился вызвать недоверие и у Мазарини. В результате министр порекомендовал королю в качестве своего преемника генерального контролера финансов Жана Батиста Кольбера.

Чтобы обезопасить себя, Фуке создал при дворе собственную партию приверженцев, купил в Бретани остров БелльИль и превратил его в неприступную крепость. Был также составлен план сопротивления королю, если суперинтенданту будет угрожать арест.

Однако тучи над головой суперинтенданта быстро сгущались. Король вместе с Кольбером тщательно проверял все ведомости, которые представлял ему Фуке. Поэтому о масштабах его хищений Людовик был прекрасно осведомлен. Но предать Фуке суду французский монарх не мог. Как генерального прокурора Парижского парламента его мог судить только парламент. Поэтому скорее всего суд закончился бы оправданием. Тогда хитрый Кольбер посоветовал Фуке продать должность прокурора парламента, а полученные деньги преподнести королю, чтобы укрепить свое положение. Фуке согласился и тем самым определил свою дальнейшую судьбу.

Чтобы угодить королю, Фуке решил организовать в своем только что построенном роскошном замке Во-Ле-Виконт грандиозное празднество. По мнению Дюма и многих современников, именно оно стало последней каплей, переполнившей чашу терпения Людовика, который не мог больше переносить того, что его вельможа живет куда богаче его самого и пользуется огромным влиянием, да еще осмеливается ухаживать за его фавориткой Луизой де Лавальер. И Людовик решил арестовать Фуке во время празднества, но королева-мать, Анна Австрийская, упростила его повременить с этим. И король, взбешенный роскошью приема в Во, прощаясь с суперинтендантом, ограничился знаменитой фразой: «Господин Фуке, ждите от меня известий...»

Вскоре Людовик вместе со своим двором отправился в Нант. Доброжелатели предупредили Фуке о готовящемся аресте и советовали бежать из города. Но тот был слишком уверен в своей неуязвимости. «Король никогда не осмелится арестовать такого человека, как я. Я всегда верил в свою звезду – и всегда преуспевал», – заявил Фуке.

Но его расчеты не оправдались. 5 сентября 1661 года по приказу короля лейтенант мушкетеров д'Артаньян (персонаж не литературный, а исторический) после заседания королевского совета арестовал Фуке. Королевский указ гласил: «Именем короля. Его Величество, решив по веским соображениям обезопасить себя от г-на суперинтенданта финансов Фуке, постановил и повелевает младшему лейтенанту конной роты мушкетеров г-ну д'Артаньяну арестовать вышеупомянутого г-на Фуке и препроводить его под доброй и надежной охраной в место, указанное в меморандуме, который Его Величество вручил ему в качестве инструкции. Следует следить по пути за тем, чтобы вышеупомянутый г-н Фуке не имел ни с кем общения, ни устного, ни письменного. Дано в Нанте 4 сентября сего 1661 года. Людовик».

В зарешеченной карете Фуке отвезли в Венсеннский замок. По пути следования жители окрестных деревень сбегались, чтобы посмотреть на унижение ненавистного вельможи. Они осыпали его бранью.

Первые дни заключения прошли для Фуке очень тяжело. По свидетельству секретаря суда, он казался беспокойным и подавленным, «использовал любую возможность, чтобы вызвать у охраны сочувствие к себе и разузнать новости. Однако все эти попытки оказывались безуспешными благодаря заботам и необычайной старательности г-на д'Артаньяна, который, впрочем, обращался со своим узником самым наилучшим образом, какого только можно было желать».

Надежды Фуке на помощь своих приверженцев не оправдались. Белль-Иль сдался без боя. Многие из людей, близкие к узнику, тоже оказались в заключении, а его друзья и родственники были удалены от двора. На имущество Фуке наложили арест. Была найдена шкатулка с планом сопротивления и другими документами, которые неопровержимо свидетельствовали о множестве придворных интриг, которые инициировал Фуке. Всего же в разных домах бывшего суперинтенданта было изъято около шести тысяч документов, которые суду предстояло изучить.

Суд над Фуке длился три года. Его нельзя назвать справедливым, хотя за Фуке действительно числилось немало злоупотреблений. Судей назначил король. Пункты обвинения составлял Кольбер и его дядя Пюссор, секретарь суда Жозеф Фуко, государственные советники Лозен и Лафосс, советник Парижского парламента Понсе. Все они были настроены по отношению к узнику крайне враждебно.

Следствие над Фуке началось только в марте 1662 года. В Венсенн для допроса приехали комиссары Понсе и Ренар, а также Жозеф Фуко. Во время дознания и суда многие документы, которые могли свидетельствовать в пользу обвиняемого, были изъяты, либо на них намеренно не обратили внимания. По приказу канцлера Сегье секретари допускали в протоколах неточности, записывали не все ответы обвиняемого.

Первое заседание суда состоялось 14 ноября 1664 года. На этом и последующих судебных заседаниях присутствовала госпожа де Севинье, которая ненавидела Кольбера и сочувствовала Фуке. Она оставила письма, в которых описала поведение подсудимого. Первое время бывший суперинтендант держался уверенно. Он отказался давать присягу суду, так как не признавал законность Уголовной палаты, сформированной по настоянию Кольбера специально для суда над ним. На заявление судьи о законности Палаты, основанной королевским указом и утвержденной парламентом, Фуке, по свидетельству госпожи де Севинье, ответил, что «властями нередко делаются вещи, которые, спустя какое-то время, оказываются несправедливыми». Далее свидетельница процесса писала: «Господин председатель прервал его [Фуке]: «Как?! Вы хотите сказать, что Его Величество злоупотребил своей властью?» Господин Фуке ответил: «Это говорите вы, сударь, а не я. Я вовсе не это имел в виду, и странно, что, используя мое нынешнее положение, вы хотите столкнуть меня с королем; но, сударь, вам прекрасно известно, что случаются ошибки. Когда вы подписываете ордер на арест, вы находите это справедливым, на следующий день вы его отменяете: вы видите, что можно изменить точку зрения и мнение».

В середине июня Уголовная палата, рассмотрев протоколы первых допросов, постановила, что Фуке должен быть «препоручен», то есть из «узника по постановлению короля» стал «узником по постановлению Палаты». Поэтому режим его содержания под стражей несколько смягчился: ему позволили исповедоваться замковому канонику и разрешили передать через тюремщика несколько писем семье.

Примерно в это время общественное мнение в отношении Фуке стало меняться. Этому способствовало мужественное поведение подсудимого. Большую роль сыграли также «Оправдания» Фуке, которые были тайно напечатаны и распространены в Париже. Бывший суперинтендант сумел в тюрьме написать и передать своим сторонникам материалы для 15 их выпусков. В них в язвительных и метких выражениях Фуке показывал истинную подоплеку суда над ним.

Кольбер встревожился. Он пустил слух, что заключенный может легко общаться с внешним миром, что охрана недостаточна, неэффективна и состоит с ним в сговоре. Однако к охране, которую по-прежнему несли мушкетеры д'Артаньяна, придаться было невозможно. Их командир был безукоризненно вежлив и доброжелателен по отношению к узнику, но чрезвычайно строго выполнял все предписания. Однажды д'Артаньян приказал арестовать незнакомца, который пытался подкупить одного из мушкетеров: попросил охранника передать

заклученному записку. Капитан мушкетеров срочно известил об этом короля. Виновного бросили в тюрьму, а Людовик успокоился, убедившись, что узник находится в надежных руках.

Фуке было разрешено пользоваться услугами адвокатов. Его семья привлекла к защите двух знаменитых парижских защитников, мессиров Лоста и Озане. 25 июня оба явились к воротам тюрьмы. Несмотря на предварительную договоренность, их не пустили, так как король разрешил встречу с адвокатами не раньше 1 июля.

Через два дня д'Артаньян получил еще один королевский приказ. Людовик требовал, чтобы адвокатов пускали в тюрьму только два раза в неделю, по вторникам и пятницам. Узник мог беседовать с ними только в присутствии наблюдателя. И 1 июля, когда адвокаты Фуке появились у ворот, их ознакомили с этим приказом. Однако они отказались от встречи на таких условиях. Протестовал и Фуке. «До какой крайности, – воскликнул он, – хотят довести человека, и так растоптанного страшными врагами, которым бесконечно доверяют в делах! Как может он серьезно заниматься своей защитой, если во время визита адвокатов он должен быть окружен “подозрительными личностями”»

Две недели длилось противостояние Фуке, его адвокатов и власти. Проблема обсуждалась даже в Уголовной палате. В конце концов, был предложен компромиссный вариант: заключенному будет разрешена дополнительная встреча с адвокатами на следующий день после каждого нового посещения (то есть количество свиданий увеличивалось), но все встречи будут проходить только в присутствии д'Артаньяна.

4 декабря 1664 года допросы и слушания были завершены. Теперь следовало ожидать приговора. Утром следующего дня д'Артаньян зашел к узнику и увидел его с Библией в руках. Он удивился, так как предполагал, что Фуке будет занят подготовкой к последнему заседанию. Но заключенный ответил: «Моя карта бита. Мне остается лишь молиться Богу и ждать приговора. Каким бы он ни был, я приму его с тем же спокойствием духа, в котором вы видите меня сейчас. Я готов ко всему». Отказ от борьбы свидетельствовал либо о том, что узник был окончательно сломлен, либо о его необыкновенном мужестве. Ведь король требовал для него позорной казни через повешение.

13 декабря в 3 часа утра в парижском небе появилась комета. Сторонники бывшего суперинтенданта увидели в этом благоприятный знак. Действительно, 20 декабря Уголовная палата вынесла приговор, который оказался на удивление мягким. Большинство голосов – 13 против 9, подавших голос за смертную казнь, – Фуке по обвинению в заговоре и хищении государственных средств присудили к вечному изгнанию и конфискации имущества. Король был взбешен. Он заявил: «Если бы его приговорили к смерти, я позволил бы ему умереть».

Однако утвержденный Уголовной палатой приговор в любом случае было невозможно привести в исполнение. Фуке слишком много знал. Отправлять его в изгнание было слишком опасно. Поэтому король заменил предписание суда пожизненным заключением.

Узника перевели в замок Пиньоль. Здесь без права общения с близкими он прожил 15 лет. Только в мае 1672 года Людовик разрешил ему увидеться с женой и детьми. Здоровье Фуке быстро ухудшалось, и 23 марта 1680 года он скончался.

Через некоторое время у отдельных исследователей возникла неожиданная версия. Они стали отождествлять Фуке с Железной Маской – таинственным узником одного из французских замков. Однако эта версия не выдерживает критики, потому что о последних годах жизни Фуке известно абсолютно все.

Первый в истории нации суд над короной

Судебный процесс, в результате которого английский король Карл I Стюарт был приговорен к смертной казни, стал первым в истории судом, утвердившим право подданных не только подчиняться монаршей милости, но и требовать от государя защиты собственных интересов.

Казнь Карла I

В начале XVII столетия Англия раньше всех европейских держав вышла на передовые рубежи развития новых промышленных отношений. Нарождающаяся английская буржуазия впервые в истории ощутила свою значимость, а значит, и свое право требовать от короля защиты собственных интересов. Выразителем этих интересов был парламент, образованный в Англии еще в XIII веке как орган представительства всех сословий, в том числе английской буржуазии.

Однако правившая в то время династия Стюартов не признавала ограничений абсолютной монархической власти. Борьба между короной и парламентом обострилась уже при первом ее представителе – сыне Марии Стюарт Якове I. В таком же духе был воспитан и его наследник, Карл I, вступивший на трон в 1625 году.

В 1628 году молодой король, который сильно нуждался в средствах для поддержания привычного образа жизни, был вынужден созвать парламент. На первом же его заседании парламентарии подали королю «Петицию о праве», в соответствии с которой любые подати и налоги можно было взыскивать только с согласия парламента. Все остальные приношения королю были объявлены незаконными. Однако Карл систематически нарушал принятый закон, а вскоре и вовсе распустил парламент.

Последующие 11 лет Карл правил единолично. Но в 1637 году началась война между Англией и Шотландией, и королю понадобились немалые средства. В апреле 1640 года Карл вынужден был вновь созвать парламент, чтобы утвердить дополнительные налоги. Однако парламент, защищая интересы буржуазии, не поддержал новый законопроект. К тому же парламентарии потребовали упразднить чрезвычайные королевские суды, введенные королем во время своего единоличного правления, а также наказать наиболее ненавистных чиновников. В ответ на это уже 5 мая Карл распустил и этот парламент, который вошел в историю под названием Короткого.

В сложившейся ситуации король явно переоценил свои силы. К осени стало ясно, что королевская власть в Англии находится в критическом состоянии – народ не подчинялся монарху. Поэтому в ноябре 1640 года Стюарт созвал новый парламент, получивший название Долгого (поскольку он просуществовал до 1653 года). Король был вынужден утвердить закон, по которому парламент можно было распустить только в соответствии с решением самого же парламента. Все институты королевской власти, в частности Звездная палата и Высокая комиссия, призванные вершить суд в государстве, были распущены. Таким образом абсолютная королевская власть была ограничена и монархия стала конституционной.

Карл I с этим смириться не мог. Он издал декларацию о защите короны от парламента и о формировании королевской армии. После неудачной попытки 4 января 1642 года арестовать пять наиболее влиятельных парламентариев по обвинению в государственной измене Карл вынужден был покинуть столицу. Он рассчитывал на поддержку провинций.

В стране установилось двоевластие. В июле 1642 года палата общин приняла постановление о создании собственной армии, а Карл I в августе того же года объявил парламенту войну. Это стало началом гражданской войны 1642–1646 годах. На стороне короля были отсталые в экономическом отношении северные и западные графства, а также англиканская церковь. За парламент ратовали экономически развитые юго-западные, а также отдельные промышленные и торговые районы центра и севера Англии.

Сначала преимущество было на стороне хорошо обученной королевской армии. Однако в 1645 году оппозиционеры создали постоянную армию с единым командованием и суровой дисциплиной. Во главе армии парламента встал талантливый политик и полководец Оливер Кромвель. Ему удалось создать военные формирования, которые заслужили славу лучших в Европе.

14 июня 1645 года в битве при Несби новая армия парламента разгромила королевские войска. Королю удалось бежать в Шотландию, но противник захватил не только артиллерию, боеприпасы и королевские знамена, но также и секретную переписку королевского кабинета, которая сыграла большую роль в ходе последовавшего вскоре судебного процесса.

Шотландцы оказались ненадежными союзниками. За 400 тыс. фунтов стерлингов они выдали Карла парламенту. С этого момента король стал узником. Сначала местом его пребывания был избран Херсткэсл. Сторонники короля готовили побег. Его племянник, принц Руперт, должен был освободить дядю из замка. Однако к тому времени Карла успели перевезти и заточить поближе к Лондону (в Виндзорском замке). По дороге к Виндзору во время остановки в Бэгшоте, поместье лорда Ньюберга, гостеприимный хозяин хотел предоставить своему королю одного из лучших скакунов, которыми славились его конюшни. В этом случае никакая погоня не смогла бы догнать Карла, если бы тот решился на побег. Но начальник стражи Гаррисон предусмотрительно велел отдать рыска одному из солдат конвоя. А в Виндзоре узник был переведен на более строгий режим содержания: число его слуг было сокращено; оставшиеся должны были доносить обо всем, что могло способствовать побегу. Дверь в помещение, где находился Карл, постоянно охранялась. Запрещались все свидания, а прогулки ограничивались террасой замка.

К этому времени решение о суде над королем было уже принято. Политическая ситуация в стране складывалась следующим образом. К власти пришла радикальная политическая группировка индепенденты во главе с Оливером Кромвелем. Эта политическая партия выражала интересы радикального крыла буржуазии и нового дворянства (джентри). Она насильственным путем добилась большинства в палате общин. 23 декабря этой палатой было принято постановление – оно назвало короля главным виновником всех несчастий в стране, которая действительно испытывала огромные трудности, связанные с гражданской войной и ее последствиями. Был назначен специальный комитет, который должен был разработать процедуру суда над Карлом I.

Не только в практике английского судопроизводства того времени, но и вообще европейского, подобных прецедентов не было. Поэтому комитет учредил особую судебную коллегия, а палата общин 28 декабря 1648 года вынесла постановление о суде над королем.

Это решение далось парламенту нелегко. Из Лондона бежали многие его члены, в том числе и те, от которых зависела разработка юридических основ будущего процесса. Даже будучи убежденными противниками короля, не все парламентарии нашли в себе сил выступить против законного монарха.

1 января 1649 года палата общин рассмотрела и приняла проект ордонанса, представленный подготовительным комитетом. Он гласил: «Поскольку известно, что Карл Стюарт, теперешний король Англии, не довольствуясь многими посягательствами на права и свободы народа, допущенными его предшественниками, задался целью полностью уничтожить древние и основополагающие законы и права этой нации и ввести вместо них произвольное и тираническое правление, ради чего он развязал ужасную войну против парламента и народа, которая опустошила страну, истощила казну, приостановила полезные занятия и торговлю и стоила жизни многим тысячам людей... изменнически и злоумышленно стремился поработить английскую нацию... На страх всем будущим правителям, которые могут попытаться предпринять нечто подобное, король должен быть привлечен к ответу перед специальной судебной палатой, состоящей из 150 членов, назначенных настоящим парламентом, под председательством двух верховных судей». Было принято решение создать для суда над королем специальный Верховный суд правосудия.

Уже на следующий день палата лордов, состоявшая на тот момент всего из 16 человек, получила это постановление и единогласно отвергла его. Парламентарии-аристократы считали, что король обладает большими правами, чем парламент, и имеет право его распустить. А граф Нортумберленд, убежденный сторонник парламента, заявил: «Вряд ли даже один человек из 20 согласится с утверждением, что король, а не парламент развязал войну. Без предварительного выяснения этого обстоятельства невозможно короля обвинить в государственной измене».

Таким образом, представленный палатой общин законопроект, не получил юридической силы. Тогда 4 января 1649 года палата общин объявила себя носителем верховной власти в Англии. Права короля и палаты лордов были ограничены. Источником всякой законной власти был объявлен народ, а высшей властью – его избранники в лице членов палаты общин.

Несмотря на значительное недовольство политикой короля у большинства населения, собрать Верховный суд правосудия оказалось делом не простым. Часть назначенных палатой общин судей отказалась принимать участие в судебном процессе. А один из них, Сидней, прямо заявил председателю суда Дж. Бредшоу, что «никакой суд вообще не имеет права судить короля, а такому, как этот суд, никого судить нельзя». Он фактически признал Верховный суд правосудия нелегитимным органом. В ответ палата общин приняла постановление, которое давало право вынести приговор даже в том случае, если решение принимали даже 20 его членов (окончательное количество судей должно было составить 135 человек). Причем, вопреки существующей в Англии системе судопроизводства, судьи Верховного суда правосудия являлись одновременно и присяжными заседателями. (Это сводило к нулю сам принцип института присяжных заседателей.)

19 января 1649 года Карл I был перевезен из Виндзора в Лондон. А на следующий день начался суд, который заседал всего 5 дней. Сначала зачитали парламентский акт, утвердивший полномочия суда. Потом ввели обвиняемого. Карл вошел и, не снимая шляпы, направился к предназначенному ему креслу, подчеркивая этим, что не признает правомочий суда.

Королю зачитали обвинительный акт. Его обвиняли в государственной измене, стремлении присвоить себе неограниченную и тираническую власть, уничтожить права и привилегии народа, развязать гражданскую войну, подготовить иноземное вторжение в Англию. Короля объявили ответственным «за все измены, убийства, насилия, пожары, грабежи, убытки... при-

чиненные нации» во время войны. Его объявили «тираном, изменником, публичным и беспощадным врагом английского народа».

Карл несколько раз безуспешно пытался прервать чтение. Председатель суда Бредшоу предложил королю прокомментировать предъявленные обвинения. Однако тот, по-прежнему не признавая законности суда, потребовал от судей объяснений. Его интересовало, какая законная власть призвала его в этот зал. Ведь в его глазах единственной законной властью был он сам.

Суд ответа не дал. Пылкая речь короля, которую он заготовил, была прервана в самом начале. Под крики солдат «Правосудие, правосудие!» Карл был удален из зала. Бредшоу явно не хотел, чтобы присутствующие услышали из уст подсудимого, что он не может быть судим ни одним из судов Англии, тем более таким, который создан без участия палаты лордов.

Судьи попали в крайне затруднительное положение. Отказ короля отвечать на предъявленные обвинения не давал возможности провести судебный процесс и, в первую очередь, заслушать свидетелей и речь обвинителя. Без этого невозможно было вынесение смертного приговора, а это и было основной целью парламентариев. Процедуру суда следовало продолжать любой ценой.

Карла предупредили: его молчание суд будет расценивать как признание вины. Однако король продолжал занимать прежнюю позицию: он не признавал законности суда над ним. Тогда обвинитель предложил заслушать свидетелей без объяснений подсудимого. По его мнению, вина короля была слишком очевидна, чтобы соблюдать принятые нормы.

В течение двух дней были допрошены 33 свидетеля. Их показания были заслушаны на публичном заседании суда при огромном стечении народа. Допросы свидетелей длились два дня. 25 января показания свидетелей были зачитаны на публичном заседании суда. Однако, учитывая масштабы процесса, их все же нельзя было признать основанием для вынесения смертного приговора.

Большинство свидетелей говорило об участии Карла в сражениях против собственных подданных. Лондонский ткач Ричард Бломфилд засвидетельствовал, что солдаты короля грабили захваченных в плен в присутствии Карла. Другой свидетель, крестьянин из Рэтленда, рассказал о резне защитников города Лейстера. По его свидетельству, король в ответ на протест одного из офицеров своей армии сказал: «Меня мало беспокоит, если их будет вырезано в три раза больше – они мои враги». Этого, посчитал суд, было достаточно, чтобы обвинить монарха в тирании и убийстве собственных подданных (хотя в равной степени в развязывании гражданской войны был виновен и парламент).

Но в стране по-прежнему было немало роялистов и противников суда над королем. Среди них было много священников, которые агитировали за короля не только во время проповедей, но и на улицах и площадях городов. Европейские державы тоже пытались оказать давление на парламент. У берегов Англии курсировал флот племянника Карла, принца Руперта. Французский король издал манифест, осуждавший процесс. А Генеральные штаты Голландии направили в Лондон двух послов. Они должны были склонить парламент к отказу от суда.

Все это, однако, не повлияло на ситуацию. 27 января состоялось последнее заседание суда. Королю предоставили последнее слово. Карл просил выслушать его в присутствии парламентариев обеих палат. Многие члены суда склонялись к тому, чтобы удовлетворить желание подсудимого. Но инициативу перехватил Кромвель, который тоже находился в зале суда. Он заявил, что ни одному слову короля нельзя верить, что нельзя ожидать ничего хорошего от человека, которого отверг Бог. Просьба короля была отклонена.

Затем выступил Бредшоу. Он заявил: «Существует договор, заключенный между королем и его народом, и обязательства, из него вытекающие, обоюдосторонние. Обязанность суверена защищать свой народ, обязанность народа – верность суверену. Если король однажды

нарушил свою клятву и свои обязательства, он уничтожил свой суверенитет». Итак, по его твердому убеждению, судьи творили великое дело справедливости.

В заключение был зачитан приговор. Он гласил: «Упомянутый Карл Стюарт, как тиран, изменник, убийца и публичный враг, присуждается к смертной казни через отсечение головы от туловища». Под документом стояли только 59 подписей.

Казнь была назначена на 30 января 1649 года. В два часа пополудни одетый во все черное Карл I появился на площади, где был построен эшафот. Его окружали несколько шеренг кавалерии, которые отделяли толпу от места казни. Зрители заполняли не только площадь. Многие наблюдали за происходящим с балконов, крыш домов и уличных фонарей.

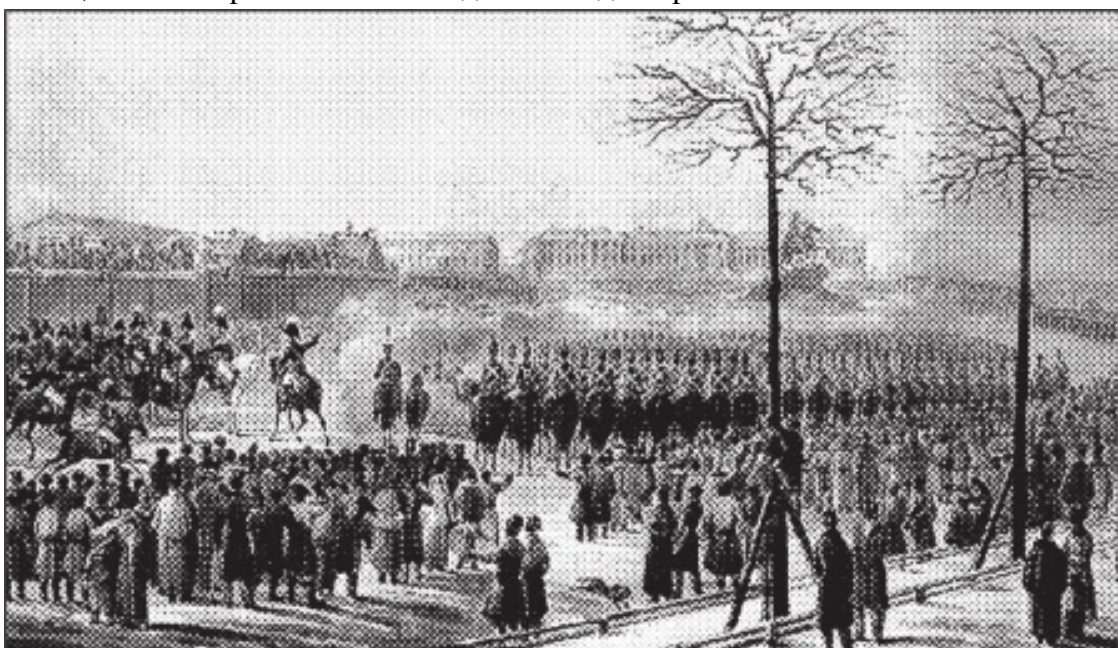
На помосте в одежде моряков, с наклеенными бородами и усами, в масках находились палач и его помощник. Карл взобрался на эшафот, достал из кармана сложенный листок бумаги и зачитал прощальное слово. Никто кроме охраны его не слышал. А через минуту помощник палача, исполняя свои обязанности, поднял за волосы отрубленную голову казненного и показал ее толпе.

Казнь короля не принесла народу Англии облегчения. Через 10 лет королевская власть была реставрирована. В страну вернулся наследник престола, сын Карла I, которого короновали как Карла II. Он приказал судить всех, кто принимал участие в суде над отцом. На допросах многие из них говорили, что протестовали против приговора. Тело главного вдохновителя суда и казни короля Оливера Кромвеля в годовщину смерти Карла I было извлечено из могилы. Труп повесили, а потом отрубили ему голову. Туловище зарыли в яме, выкопанной под виселицей. А насаженная на копье голова еще долго пугала пустыми глазницами прохожих возле Вестминстера.

Жизнь и смерть на благо Отечества...

Декабрьское восстание 1825 года принадлежит к тем страницам русской истории, которые, на первый взгляд, хорошо известны любому школьнику. На самом же деле и сам переворот, и судебный процесс над декабристами до сих пор таят в себе немало загадок и являются объектами пристального внимания исследователей. Был ли мятеж вершиной деятельности тайного общества? Что послужило его причиной? Почему приговор декабристам был столь суров? За пределами устоявшейся концепции декабристского движения, сложившейся в 1930—1950-е годы, на этот счет существует множество различных мнений, которые не вписываются в канон и далеки от традиционных.

«14 декабря нельзя ни чествовать, ни праздновать, в этот день надо плакать и молиться», – так говорили о памятной дате сами декабристы.

К. Кольман. На Сенатской площади 14 декабря 1825 года

Однако в большинстве своем декабристы людьми несчастными себя не считали и вовсе не думали, что жизнь их прошла зря. Многие из них были счастливы тем, что долгие годы ссылки провели среди близких им по духу и устремлениям людей, что дожили до осуществления своей мечты об освобождении крестьян и своей деятельностью хоть в какой-то мере способствовали успеху великих реформ, хотя к старости почти каждый из декабристов расценивал свое участие в попытке государственного переворота как ошибку и заблуждение. «Я и теперь сознаю в душе, – писал в своих «Воспоминаниях» декабрист А. Беляев, – что если б можно было одной своею жертвою совершить дело обновления Отечества, то такая жертва была бы высока и свята, но та беда, что революционеры вместе с собой приносят преимущественно в жертву людей, вероятно, большею частью довольных своей судьбой и вовсе не желающих и даже не понимающих тех благодеяний, которые им хотят навязать против их убеждений, верований и желаний... Я вполне убежден, что только с каменным сердцем и духом зла, ослепленным умом, можно делать революции и смотреть хладнокровно на падающие невинные жертвы». Надо признать, что чрезвычайно высоко развитое нравственное чувство отличало декабристов от революционеров последующих поколений. Даже затеяв мятеж, «друзья 14 декабря»

следовали лишь романтической установке «пожертвовать собой на благо Отечества». Далекая от романтики действительность и пролившаяся чужая кровь мгновенно их отрезвили и стали причиной того полного и нелицемерного раскаяния, через которое прошли практически все декабристы. «Каменным сердцем и духом зла» никто из мятежников 1825 года не обладал. Это утверждение может показаться противоречивым, ведь одной из основных целей заговорщиков было убийство царя и даже уничтожение всей императорской семьи. Собственно, именно как цареубийц декабристов и судили. Осведомленность в цареубийственных планах была серьезнейшим из всех предъявленных им обвинений, а на груди у пятерых повешенных была надпись «Злодей-цареубийца». Не будь подобных планов, большинство из осужденных просто не за что было бы наказывать, так как причастность к мятежу смогли вменить в вину лишь примерно 20 из 126 приговоренных.

Естественно, что в подобных условиях приверженность к идее цареубийства была значительно преувеличена следствием. Были собраны все, даже малозначительные эпизоды – и «сугубо теоретические дискуссии» декабристов, и высказывания, сделанные ими в запальчивости или в приступе ярости. Самым серьезным из установленных эпизодов была подготовка покушения на Александра I в кружке Рыльева. Осуществить задуманное должны были декабристы А. Якубович и П. Каховский. Но судьба избавила заговорщиков от необходимости претворять свой план в действие: в ноябре 1825 года царь умер.

Идея объединения в тайные организации широко распространилась в России еще в 1810—1820-х годах. В рядах тайных обществ тех лет группировались люди самых разных взглядов: от классических либералов и умеренных просветителей до приверженцев жесткой централизации и даже тоталитаризма. Можно сказать, это было модным, особенно в провинции и армейских полках. В 1814 году герой войны М. Ф. Орлов создал «Орден русских рыцарей», который боролся за отмену крепостного права и ограничение власти царя. В том же 1814 году возникла «Священная артель», в которую входили офицеры (Бурцев, А. и Н. Муравьевы) и лицеисты (Пушин, Кюхельбекер, Вольховский). Само движение декабристов началось в среде образованных дворян, в числе которых также было немало офицеров. На мировоззрение декабристов, называвших себя «детьми 1812 года», повлияла Отечественная война. Победа над Наполеоном вызвала к жизни патриотическую гордость за свою страну. Но к ней примешивалась горечь: русский народ, освободивший Европу, оставался в рабстве. Даже ополченцы, вернувшиеся с войны, должны были вновь выходить на барщину. В 1816 году молодые офицеры С. Трубецкой, И. Якушкин, С. и М. Муравьевы-Апостолы основали тайное политическое общество – «Союз спасения», или «Общество истинных и верных сынов Отечества». Позже в него вступили П. Пестель, Е. Оболенский и др. – всего около 30 человек. В уставе Союза говорилось об установлении в России конституционной монархии. Обсуждалось и цареубийство, однако большинство членов тайного общества его отвергло. В 1818 году «Союз спасения» был преобразован в более широкую организацию «Союз благоденствия», насчитывавшую уже около 200 человек. Целями Союза провозглашались «совершенствование нравов, распространение гуманных взглядов и просвещения». Новое общество считало основной целью формирование в стране «общественного мнения», которое представлялось декабристам главной движущей силой общественной жизни. В 1820 году совещание руководящего органа «Союза благоденствия» – Коренной управы – единогласно высказалось за республику. Основной силой переворота решено было сделать армию, которой руководили бы члены тайного общества. Происшедшее на глазах декабристов выступление в Семеновском полку (1820 г.) в Петербурге убедило их, что армия готова к выступлениям (солдаты одной из рот заявили протест против муштры и палочной дисциплины жестокого командира полка Ф. Е. Шварца). Расправа с бунтовщиками была короткой. Зачинщиков прогнали сквозь строй и отправили на каторгу, полк расформировали. Спустя год были арестованы и отданы под суд еще четыре бывших семеновских офицера, которых подозревали в заговоре. В поисках членов тайных обществ власти

заклучали под стражу людей, единственная вина которых состояла в неуклонном следовании дворянской чести и желании поступать в согласии со своей совестью. Процесс над ними был не только своего рода репетицией процесса декабристов, но и продемонстрировал создавшуюся после семеновской истории ситуацию, полную страха и непонимания, чреватую многими гибельными последствиями, одним из которых в конечном итоге и стало восстание на Сенатской площади...

Александр I, которого потрясло восстание в Семеновском полку, расценил бунт как следствие неумеренного либерализма. Это стало для него свидетельством несвоевременности реформ. Окончательный переход царя к консервативной политике заставил декабристов отказаться от надежд на проведение реформ властью. Тем временем в 1821 году съезд Коренной управы в Москве объявил «Союз благоденствия» распущенным. Умеренные члены организации с облегчением отошли от его деятельности. Но наиболее решительно настроенные участники создали новые тайные общества: Северное и Южное. Северное общество находилось в Петербурге, Южное – на Украине. Руководителем Южного общества стал один из выдающихся декабристов – П. Пестель. Члены Южного общества были противниками идеи Учредительного собрания и сторонниками диктатуры Временного верховного революционного правления. Именно последнее должно было, по их мнению, взять в свои руки власть после успешного революционного переворота и ввести заранее подготовленное конституционное устройство, принципы которого были изложены в документе, позже названном «Русской правдой». Россия объявлялась республикой, крепостное право ликвидировалось, сословный строй полностью упразднялся. Северное общество декабристов возглавил Н. Муравьев; в руководящее ядро входили Н. Тургенев, С. Трубецкой, Е. Оболенский. Программным документом Северного общества была «Конституция» Н. Муравьева, в которой отстаивалась идея превращения России в конституционную монархию.

У членов Северного и Южного общества были разногласия по многим вопросам, но и те и другие пришли к выводу, что преобразования в стране необходимо осуществить путем революции. Однако декабристы не хотели бунта и кровопролития. Кровавый опыт Французской революции страшил их. По их мнению, революция должна была совершиться для народа, но без его участия. Поэтому они стремились опереться только на армию. Образцом для декабристов стала революция в Испании, осуществленная военными.

На 1826 год был намечен съезд Северного и Южного обществ, на котором предполагалось выработать общие конституционные основы будущего государственного устройства. Однако сложившаяся в стране ситуация вынудила декабристов выступить раньше намеченного срока.

В ноябре 1825 года внезапно умер царь Александр I, после смерти которого не осталось прямых наследников. Его старший брат Константин задолго до этого отказался от престола, но отказ царская фамилия хранила в тайне. Наследовать Александру I должен был его брат Николай, которого в армии ненавидели и считали солдафоном. Между тем армия принесла присягу Константину. Однако вскоре распространились слухи о том, что последует новая присяга – императору Николаю. Армия волновалась, недовольство в стране росло. В то же время декабристам стало известно, что об их деятельности уже знает правительству. Медлить было нельзя. Поскольку решающие события междоусобицы разыгрывались в столице, она, естественно, становилась центром предстоящего переворота. Северное общество приняло решение об открытом вооруженном выступлении в Петербурге и назначило его на 14 декабря 1825 года – день, когда должна была происходить присяга новому императору Николаю I.

План революционного переворота предполагал воспрепятствовать присяге, поднять сочувствующие декабристам войска, привести их на Сенатскую площадь и силой оружия (если не помогут переговоры) не допустить Сенат и Государственный совет присягнуть новому императору. Депутация от декабристов должна была заставить сенаторов принять Манифест к русскому народу. В Манифесте объявлялось свержение правительства, отменялось крепостное

право, уничтожалась рекрутчина, объявлялись гражданские свободы и созывалось Учредительное собрание. «Диктатором» предстоящего восстания был избран князь С. Трубецкой, опытный военачальник, участник войны 1812 года, хорошо известный гвардии.

Первый восставший полк под предводительством А. Бестужева пришел на Сенатскую площадь утром 14 декабря и построился в каре около памятника Петру I. Позднее к нему присоединились еще два полка. Всего на площади под знаменами восстания собралось около 3 тысяч человек. Однако цели, поставленные декабристами, не были достигнуты. Николай I успел привести Сенат и Государственный совет к присяге ещё затемно, когда Сенатская площадь была пуста. «Диктатор» Трубецкой на площадь не явился. Каре восставших несколько раз отражало беглым огнем натиск оставшихся верными Николаю гвардейцев. Попытка генерал-губернатора Милорадовича уговорить мятежников не принесла успеха. Милорадович был смертельно ранен декабристом П. Каховским. К вечеру восставшие выбрали нового руководителя – князя Оболенского, но было поздно. Николай, успевший стянуть на площадь верные ему войска и окружить восставших, боялся, чтобы «волнение не передалось черни», искомандовал стрелять. После второго залпа каре, простоявшее на холодном ветру несколько часов, рассыпалось и побежало. По официальным данным было убито более 1200 человек. К ночи восстание было подавлено. В конце декабря, когда на юге уже было известно о поражении восстания в Петербурге, Южное общество подняло мятеж. Восстание Черниговского полка 29 декабря 1825 года возглавили С. Муравьев-Апостол и М. Бестужев-Рюмин. Однако ни один полк не поддержал инициативы черниговцев. 3 января 1826 года мятеж на юге был разгромлен правительственными войсками.

17 декабря 1825 года высочайшим указом был основан «тайный комитет для изыскания соучастников злоумышленного общества, открывшегося 14 декабря», который возглавил военный министр А. И. Татищев. 1 июня 1826 года был создан Верховный уголовный суд, который работал по 12 июля 1826 года. В состав суда вошли члены Государственного совета, сенаторы, члены Святейшего синода, а также лица, специально назначенные императором (всего 68 человек). В самом начале деятельности суда в его составе сформировались две группировки: «патриотов», выступавших за максимально суровые наказания, и «филантропов», отстаивавших относительно мягкие меры.

К следствию и суду по делу декабристов было привлечено 579 человек. Следственные и судебные процедуры велись в глубокой тайне. Пятеро руководителей – Пестель, С. Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, Рылеев и Каховский – были казнены 13 июля 1826 года. Первоначально суд приговорил их к четвертованию (жестокая средневековая казнь), но Николай заменил его позорным для дворян повешением. 121 человек был приговорен к заключению в крепость, каторжным работам или ссылке на различные сроки. Свыше 1000 солдат были прогнаны сквозь строй, некоторые сосланы в Сибирь на каторгу или поселение, более 2000 солдат переведены на Кавказ, где в то время велись военные действия.

Процесс декабристов продемонстрировал собой всю глубину непонимания, возникшего между двумя поколениями вокруг слов «честь», «польза», «долг перед Отечеством». У декабристов и их судей оказались разные мнения на этот счет. И многие из арестованных совершенно не понимали, что на их рыцарских понятиях успешно играли следователи и сам император, вытягивая под «слово дворянина» те или иные показания, которые затем становились основой для будущих обвинений. Именно обличение недобросовестности следствия явилось основной темой почти всех последующих воспоминаний и записок декабристов. Декабристы дружно сообщают, что на допросах в Следственном комитете им предъявлялись вымышленные показания товарищей. «Все средства казались для них хороши. Они предъявляли ложные показания, прибегали к угрозам очных ставок, которых затем не производили. Чаще всего они уверяли пленника, что его преданный друг во всем им признался. Обвиняемый, затравленный, терзаемый без пощады и милосердия, в смятении давал свою подпись», – писал А. Муравьев.

Восстание декабристов внушило власти непреодолимый страх перед любыми серьезными преобразованиями. Стремясь не допустить впредь ничего подобного, новый царь крайне усилил репрессивный аппарат. В обществе воцарились подозрительность и раболепие.

Однако значение восстания декабристов было понято уже их современниками: «Не пропадет ваш скорбный труд», – писал А. С. Пушкин в своем «Послании в Сибирь». Уроки восстания 1825 года были учтены их преемниками по революционной борьбе: Герценом, Огаревым, последующими поколениями русских революционеров. А.И. Герцен писал: «Казнь декабристов разбудила ребяческий сон моей души». Профили пяти казненных декабристов на обложке его «Полярной звезды» стали символом борьбы против царизма. Замечательной страницей в русской истории был подвиг жен осужденных на каторгу декабристов, которые добровольно последовали за мужьями в Сибирь. Преодолев многочисленные препятствия, на рудники Забайкалья приехали М. Н. Волконская, А. Г. Муравьева (с ней А. С. Пушкин передал послание декабристам «Во глубине сибирских руд») и Е. И. Трубецкая, позднее в Читу отправились А. И. Давыдова, Е. П. Нарышкина и др. Уезжая в Сибирь, эти женщины лишались дворянских привилегий и переходили на положение жен ссыльнокаторжных, ограниченных в правах передвижения, переписки, распоряжения своим имуществом и т. д. Они не имели права брать с собой детей, а возвращение в Европейскую Россию не всегда разрешалось даже после смерти мужей. Об их подвиге рассказал Н. А. Некрасов в поэме «Русские женщины», которую первоначально назвал «Декабристки».

«заговор идей», или «Суд над намерениями»

Казнь петрашевцев

Судебный процесс, получивший название «дело петрашевцев», является одним из самых масштабных и драматичных в истории России. Во время следствия по этому делу привлекались более 120 человек. Около 40 из них были арестованы. Обвиненные в «заговоре идей» 15 человек были приговорены к смертной казни. Лишь после произнесения приговора и инсценировки расстрела на Семеновском плацу осужденным объявили о замене казни бессрочной каторгой. Многие из «заговорщиков», получивших столь суровое наказание, были виноваты лишь в том, что не донесли на своих товарищей.

Так называемое «дело петрашевцев» известно в нашей истории прежде всего благодаря участию в кружке Петрашевского большого числа ученых и литераторов – А. и В. Майковых, А. Н. Плещеева, М. Е. Салтыков-Щедрин и, конечно, Ф. М. Достоевского, восходящей звезды на небосклоне русской литературы. А между тем значение этого политического процесса гораздо глубже. Как точно заметил И. Волгин в предисловии к своему труду «Пропавший заговор. Достоевский и политический процесс 1849 года», «здесь, по сути, начинается история русской интеллигенции... Здесь – одна из завязок нашей национальной судьбы».

Свое название петрашевцы получили от фамилии их идейного лидера, организатора кружка единомышленников Михаила Васильевича Буташевича-Петрашевского. Будучи чиновником Министерства иностранных дел, Петрашевский имел многочисленных знакомых во всех слоях общества. В 1844 году в его доме на Покровской площади начали проходить собрания, которые с осени 1845-го стали еженедельными. Их посещали литераторы, чиновники, художники, офицеры, студенты (Д. Д. Ахшарумов, И. М. и К. М. Дебу, М. М. и Ф. М. Достоевские, С. Ф. Дуров, Н. С. Кашкин, В. Н. Майков, А. И. Пальм, А. Н. Плещеев, М. Е. Салтыков, Н. А. Спешнев и многие другие). Петрашевцы не имели ни оформленной организации, ни четко разработанной программы. Первоначально задачи собраний ограничивались самообразованием, общением на политические и философские темы. Разговоры об «Икарии» Кабе

и «фаланстерах» Фурье были преобладающей темой их душевных бесед. В поисках путей изменения социального уклада Петрашевский и его соратники обращались к социально-утопическим теориям Ш. Фурье и А. СенСимона, а также к материалистической философии Л. Фейербаха. Петрашевцы увлекались идеями французских социальных реформаторов, но в этом увлечении не было ничего политически опасного, и притом оно было характерно для многих образованных людей того времени.

Петрашевский пытался пропагандировать идеи утопического социализма и в обществе. Первым шагом на этом пути стало издание Петрашевским «Карманного словаря иностранных слов» под псевдонимом Н. Кириллов. Основное назначение словаря – показать, что «обновление обветшалых форм жизни есть необходимое условие всякого истинно человеческого существования». Как и во всем, что исходило от петрашевцев, в нем не было ничего опасного для общественного спокойствия. Однако позднее «Словарь», беспрепятственно пропущенный цензурой и даже посвященный великому князю Михаилу Павловичу, станет одним из главных пунктов обвинения против Петрашевского.

Кружок петрашевцев состоял в тесной связи со множеством других, где рассуждали совершенно в том же духе о притеснениях цензуры, о безобразии крепостного права, о продажности чиновничества, где со страстным интересом читали и комментировали теории Прудона, Луи Блана и, наконец, с восторгом слушалось знаменитое письмо Белинского к Гоголю. Один из таких кружков собирался у Иринарха Введенского; его участниками были молодые литераторы и студенты Г. Е. Благосветлов, А. П. Милуков и Н. Г. Чернышевский. Под влиянием Французской революции 1848 года в среде петрашевцев зрели революционные настроения. Петрашевский разрабатывал программы освобождения крестьян, много размышлял об образовании, мечтал о юридических новшествах. Идеал политического устройства петрашевцы видели в республике и намечали программу широких демократических преобразований. В 1848 году М. В. Петрашевский написал «Проект об освобождении крестьян», предлагая прямое, безвозмездное и безусловное освобождение их с тем наделом земли, который они обрабатывали. Проблемы крестьянской революции в России рассматривались на собраниях в кружках братьев Дебу, Дурова, Кашкина. Самый влиятельный и наиболее радикальный из петрашевцев, Спешнев, высказывал мнение о необходимости преобразовать кружок в тайное общество для подготовки к возможной социальной революции. Он строил планы создания нелегальной типографии. Следует признать, петрашевцы не успели сделать ничего конкретного: они не издавали революционных газет и журналов, не призывали к революции и к террору. Даже на суде впоследствии говорилось: Петрашевский в конце 1848 года совещался со Спешневым, Черносвитовым, Момбелли и Дебу «об учреждении тайного общества, под названием, как сами они выражались, товарищества или братства взаимной помощи из прогрессистов и людей передовых мнений, которые бы могли двинуть гражданский быт вперед, на новых началах, посредством возвышения друг друга; однако же это общество, по разномыслию членов, не состоялось».

Итак, петрашевцы ни разу не пошли дальше отвлеченных рассуждений, даже в теории не смогли договориться относительно создания настоящей организации. Их действия ограничивались одними намерениями. Не случайно впоследствии Петрашевский назовет судебный процесс 1849 года «*proces de tendances*» – «судом над намерениями».

Свою деятельность Петрашевский и его единомышленники считали абсолютно легальной. Тем не менее в ночь с 22 на 23 апреля 1849 года по доносу провокатора наиболее активные петрашевцы были арестованы. «Честь» раскрытия этого общества принадлежала чиновнику, специализировавшемуся по части политического сыска, действительному статскому советнику И. П. Липранди. К следствию по делу петрашевцев привлекли более 120 человек. Комиссия квалифицировала их деятельность как «заговор идей». Несмотря на это участники кружка были жестоко наказаны. Из 23 человек, преданных суду, 15 были приговорены к смертной

казни через расстрел, 6 – к более мягким исправительным мерам, один (Черносвитов) оставлен «в сильном подозрении» и один приговор (над 19-летним Катеневым) отложен ввиду того, что обвиняемый подвергся «расстройству ума» и был отправлен в больницу Всех Скорбящих.

Лишь в последнюю минуту смертную казнь 15 петрашевцам отменили, заменив каторгой. Несмотря на это, им пришлось выдержать, как с содроганием вспоминал позднее Достоевский, «десять ужасных, безмерно страшных минут ожидания смерти». 22 декабря 1849 года приговоренные были привезены из Петропавловской крепости (где провели 8 месяцев в одиночном заключении) на Семеновский плац. Им прочли конфирмацию смертного приговора; подошел с крестом в руке священник в черной ризе, переломили шпагу над головою дворян; на всех, кроме Пальма, надели предсмертные рубахи. Петрашевскому, Момбелли и Григорьеву завязали глаза и привязали к столбу. Офицер скомандовал солдатам целиться... Фарс на Семеновском плацу был разыгран до конца (инсценировка расстрела очень выразительно описана Ф. М. Достоевским в романе «Идиот»). Один из приговоренных к расстрелу, Кашкин, вспоминал: «Когда привязанным к столбам и облаченным в саваны жертвам надвинули на глаза капюшоны, ни у кого уже не осталось сомнений, что казнь действительно совершится».

Петрашевцев судили на основании Свода военных постановлений, иначе говоря – сугубо военным судом, хотя осенью 1849 года Россия ни с кем не воевала и на ее территории действовали гражданские законы.

«Оказывается, нас судили!» – воскликнул в свое время один из декабристов, которых ни разу не вызывали в суд, но любезно пригласили для вынесения вердикта. Петрашевцы были лишены даже этой малости. О приговоре они услышали впервые на эшафоте – в виде неразборчивой скороговорки, стоя на 20-градусном морозе в ожидании смерти. В самом приговоре судьи тщательно перечислили статьи, на основании которых они вынесли свой вердикт и которые на эшафоте огласил аудитор. Никто из осужденных не получил на руки копию приговора. Затем всех осужденных отправили обратно в крепость, за исключением Петрашевского, которого тут же на плацу усадили в сани и с фельдшером отправили прямо в Сибирь.

В числе приговоренных к расстрелу был и Ф. М. Достоевский. Непостижимо, но к столь суровой мере писателя приговорили за чтение вслух письма Белинского к Гоголю – и только. Возможно, им было сказано и несколько радикальных фраз, но не более. Говоря протокольным языком, приговор Достоевскому был юридически слабо обоснован – писатель был осужден несоразмерно его вине. Оглядываясь на свою «петрашевскую» молодость, Достоевский много позже миролюбиво заметил: «Государство только защищалось, осудив нас». «Положим, что так, – пробует согласиться в своей книге «Пропавший заговор» И. Волгин, замечая при этом, – мера необходимой обороны была, однако, сильно превышена». 22 декабря 1849 года по возвращении с Семеновского плаца в Петропавловскую крепость Ф. Достоевский напишет, что он не утратил надежды когда-нибудь, после Сибири, увидеть и обнять близких ему людей. «Ведь был же я сегодня у смерти три четверти часа, прожил с этой мыслью, был у последнего мгновения и теперь еще раз живу!»

Позднее Достоевский скажет, что они стояли на эшафоте, не раскаиваясь в содеянном, и что людей, близких им по духу, но оказавшихся «необеспокоенными», на воле оставалось значительно больше. Действительно, от преследования удалось ускользнуть многим из бывших петрашевцев – Энгельсону, впоследствии деятельному участнику герценовской «Полярной Звезды», М. Е. Салтыкову-Щедрину и долгое время усердно посещавшему пятницы Петрашевского Аполлону Майкову.

Еще два писателя, которых смело можно причислить к петрашевцам, лишь потому не попали в число подсудимых, что умерли раньше начала следствия: это Валериан Майков и Виссарион Белинский. Майков был очень дружен с Петрашевским и принимал активное участие в составлении «Карманного словаря иностранных слов». Белинский за свое письмо к Гоголю,

вероятно, был бы причислен к «преступнейшей категории сообщества», так как многие из петрашевцев были повинны только в распространении этого письма.

«Дело Петрашевского» долго было государственной тайной. Само имя Белинского было изъято из обращения и даже в первые годы царствования Александра II не произносилось в печати прямо, а заменялось выражением «критик гоголевского периода». Эта таинственность, в связи с суровым наказанием, понесенным участниками «общества пропаганды», создала представление о «деле Петрашевского» как о серьезном политическом заговоре, который часто ставился в один ряд с заговором декабристов. «Члены общества, – говорил в своем докладе Липранди, – предполагали идти путем пропаганды, действующей на массы. С этой целью в собраниях происходили рассуждения о том, как возбуждать во всех классах народа негодование против правительства, как вооружать крестьян против помещиков, чиновников против начальников, как пользоваться фанатизмом раскольников, а в прочих сословиях подрывать и разрушать всякие религиозные чувства... Из всего этого я извлек убеждение, что тут был не столько мелкий и отдельный заговор, сколько всеобъемлющий план общего движения, переворота и разрушения».

Приговор, вынесенный петрашевцам, был действительно жесток и, по-видимому, служил профилактическим целям. Его карающая мощь была направлена не столько против поступков отдельных людей, сколько против идей, которые казались тем подозрительнее, что прямо не попадали под статьи Уложения о наказаниях. Правительство пыталось разрушить не тайное общество, а тайную общность людей, думающих не так, как положено. Конечно, Николай прекрасно понимал разницу между повстанцами 1825 года и «клубистами» года 1849-го. Но вторые в известном смысле были даже опаснее первых. Ибо само их существование доказывало, что посеянные декабристами зерна дали «ядовитые» всходы. И если повстанцы 1825 года действовали «почти на голом месте», то за петрашевцами уже просматривалась традиция. Их движение было разрозненно, не оформлено и потому практически неуловимо, что делало его еще опаснее. Оппозиция власти из явления временного и случайного становилась постоянной чертой русской общественной жизни.

Декабрьского погрома хватило почти на четверть века. Второй политический процесс должен был дать остротку на неменьший исторический срок. При всем при том государю Николаю Павловичу не нужны были мученики. Русский царь не желал ужасать Европу публичным убийством на площади двух десятков интеллигентных молодых людей, чья вина в глазах той же Европы, еще не остывшей от настоящих мятежей, выглядела бы не слишком серьезно. Император хотел казнить не казня.

Сам переживший несколько ужасных часов на площади у Зимнего дворца, он знал цену смертному страху. Он понимал, что страх этот порою страшнее самой смерти. Проявив себя в деле декабристов как талантливый лицедей, теперь, на закате своей карьеры, Николай предпочел оставаться за кулисами.

Жертвы Семеновского плаца оказались последними идеалистами: наступала эпоха практических дел. «Целый заговор пропал», – скажет Достоевский и будет прав. Заговор 1849 года пропал как «душевная драма целого поколения; как случайный и обременительный опыт, который не был востребован никогда и никем». Однако именно деятельность кружка М. В. Петрашевского положила начало распространению в России социалистических идей.

«Дело 193-х», или «Большой процесс»

Это был самый крупный политический процесс за всю историю царской России, «процесс-монстр», как называли его современники; на нем власть судила фактически не конкретных лиц, а само историческое явление «хождения в народ», которое имело место в 1874 году.

Весной 1874 года в России развернулось интересное явление: массовое «хождение в народ», то есть в крестьянство, российских революционеров-народников. Они, вооружившись пропагандистской литературой, решили заняться проповедью идей всеобщего равенства, а заодно объяснить жителям села, «кто виноват» и «что делать». Эта акция быстро приняла беспрецедентный размах: «хождение в народ» было зафиксировано в 51 губернии империи, а общее число участников – «просветителей крестьянства» – перевалило за 10 000 человек! При этом одновременно к акции подключились абсолютно все народники, на время оставив споры по поводу тактики движения.

Жандармские документы свидетельствовали, что этот невероятный «крестовый поход социализма» не имел аналогов в мире; такой «энергии и самоотвержения не знала ни одна история тайных обществ в Европе».

Однако «хождение» народников при этом продолжало оставаться вполне мирным, пропагандистско-просветительским движением, а сами крестьяне реагировали на беседы неопасным для самодержавия образом. На борьбу жители села подниматься не собирались, а особо активных «учителей» просто сдавали местным властям. По сути, в этом случае правительству следовало бы ограничиться судом над самыми необузданными бунтарями (их даже народники называли «вспышко-пускателями»); однако царизм мелочиться не стал. Видимо, кто-то наверху решил, что «лучше перебдеть, чем недобдеть», и на головы всех без исключения «ходебщиков» обрушились жесточайшие репрессии.

Устроить нечто похожее на общегосударственную облаву на народников помог случай. 31 мая 1874 года в Саратове жандармы «накрыли» всероссийскую явку, законспирированную под башмачную мастерскую. В руках властей оказались десятки адресов и шифров, что позволило «вычислить» огромное число кружков в разных губерниях империи. 4 июля того же года повсеместно начатое дело «О пропаганде» было централизовано; теперь за результаты расследования отвечали начальник Московского губернского жандармского управления генерал-лейтенант И. Л. Слезкин и прокурор Саратовской судебной палаты С. С. Жихарев. Последний, кстати, являлся юридически ответственным распорядителем дознания.

Стараниями этой «сладкой парочки» Россию захлестнул такой «следственный потоп», какого история русского революционного движения еще не знала. За несколько месяцев число арестованных превысило 8000 человек! Затем правительство решило устроить грандиозный показательный процесс против «крамолы»; его целью должно было стать представление революционеров в виде закоренелых преступников. Предполагалось, что после столь масштабного разбирательства на народников ополчится как российская, так и мировая общественность.

Власти рассчитывали на успех недаром. Россиян можно было легко припугнуть размахом «преступных группировок»; к тому же против 8000 арестованных жандармы успели собрать массу документальных улик, что позволяло разоблачить опасность «крамолы» и щегольнуть профессионализмом карателей. Вопрос о подготовке процесса обсуждался на заседаниях Комитета министров 18 и 26 марта 1875 года. Однако вскоре стало ясно: жандармы в горячке посадили за решетку массу совершенно непричастных к «хождению» людей. Наспех проведя отсев жертв следственной ошибки, лица, ответственные за подготовку процесса, привлекли к дознанию... всего 770 человек! А после нового отбора число обвиняемых «просветителей крестьянства» сократилось до 265 человек.

Следователи старались сформулировать обвинения как можно более жестко, и с этой целью старательно подтасовывали факты. К тому же на подследственных весьма изобретательно «давили», на них науськивали свидетелей. В итоге следствие растянулось на три с половиной года. За это время число народников, привлеченных по делу о «крамоле», существенно сократилось: не выдержав жуткого существования в тюремных казематах и «задушевных» бесед с жандармами, 43 человека скончалось, 12 предпочли сами наложить на себя руки, а 38 сошли с ума...

Осенью 1877 года 197 наиболее опасных народников получили на руки обвинительный акт. Но вскоре скончались еще четверо подследственных, так что перед судом предстали в итоге 193 человека. Обвинительный акт, составленный по указанию сверху, говорил о «едином преступном сообществе», которое ставило своей целью «исполнение всероссийского злодейского заговора». В частности, подсудимым вменялась в вину подготовка «ниспровержения порядка государственного устройства», «готовность к совершению всяких преступлений» и намерение «перерезать всех чиновников и зажиточных людей». Об учении народников говорилось отдельно; «крамольники» якобы проповедовали житье за чужой счет. Естественно, власти были уверены, что такие обвинения ужаснут не только среднестатистического обывателя, но и представителей «мозговой элиты». А значит, общество с ужасом отвернется от народников.

«Процесс 193-х» начался 18 октября 1877 года. Председателем суда выступал умудренный карательным опытом сенатор К. К. Петерс, а прокурором был назначен карьерист В. А. Желеховский, которого даже собственные коллеги за глаза именовали «воплощенной желчью». Подсудимые в большинстве своем успели договориться между собой, как вести себя во время заседаний. В том случае, если власти пойдут на проведение закрытого процесса, обвиняемые решили бойкотировать его, а если суд все же будет гласным, то использовать его как трибуну для пропаганды своих идей. Из-за этого 62 человека вообще отказались от услуг адвокатов, самостоятельно подготовив защитительные речи.

Процесс тем временем власти объявили публичным. Однако для заседаний было выделено такое помещение, что в зале едва уместились судьи, подсудимые и охрана. При этом на обычные для подсудимых места усадили якобы организаторов «преступного сообщества» – Мышкина, Ковалика, Войноральского и Рогачева. Что же касается остальных обвиняемых, то им пришлось занять... места для публики! В итоге, свободными остались только 15–20 мест в углу зала. На них усадили «проверенную публику», пришедшую по именным билетам, и нескольких агентов III отделения. Кроме того, сановная публика занимала проходы между судейскими креслами. Двери здания, наводненного невероятным числом жандармов, во время процесса оставались закрытыми. Складывалось впечатление, что здание находится в осаде...

Таким образом, суду удалось оградить себя как от излишней огласки, так и от возможных эксцессов. Сами же обвиняемые на процессе были разделены на 17 групп; их дела рассматривались отдельно ввиду «недостаточности помещения». Из-за этого 120 народников заявили о том, что власти прибегают к юридическому шулерству, и бойкотировали суд (отказались являться на заседания). Этих участников процесса пресса окрестила «протестантами». Свое решение они мотивировали желанием остаться чистыми в глазах России; поскольку «протестантов» фактически лишили возможности превратить скамью подсудимых в трибуну, они «прямо и открыто плюнули на этот суд». Каждый из 120 «отказников» не только говорил о том, что не признает суд, но и сопровождал это обличительными репликами. Особо отличился в этом плане Феофан Лермонтов; молодой человек язвительно предложил сенаторам «вместо всего другого лучше прочитать сегодня же окончательный приговор, который, вероятно, уже давно заготовлен у суда». «Протестанты» поставили суд в весьма затруднительное положение, выбив из рук устроителей процесса инициативу обвинения. Эти 120 человек держались принципа «один за всех, все за одного» и столь эмоционально выступили против организаторов

процесса, что судья вынужден был закрыть заседание и удалить народников из зала. Сцены протеста продолжались до тех пор, пока эту часть подсудимых вообще не перестали приводить в суд. Ничего подобного в истории царского суда не было ни до, ни после этого процесса! А впереди его устроителей ждали еще более интересные сюрпризы... Сенаторы роптали на необходимость ежедневно выслушивать от подсудимых оскорбления в свой адрес, судьи пребывали в растерянности, каждое заседание оборачивалось скандалом. Не выдержав этого, К. К. Петерс 30 ноября серьезно заболел, и доводить процесс до конца пришлось сенатору К. К. Ренненкампу.

Когда суд над «протестантами» скандально провалился, обвинение взялось за так называемых «католиков», которые согласились на участие в процессе. Но и их не удалось выставить выродками. Улик в преступной деятельности обвиняемых не хватало; в лучшем случае судьи обнаруживали, что кто-то из них вел «предосудительные беседы» или распространял «запрещенные книжки». А тут еще свидетели массово стали отказываться очернять народников. Они заявляли, что прежние показания давали под давлением прокурора, лгали из корысти. В большинстве же своем свидетели говорили: следствие шло слишком долго и они успели «все забыть»...

Никогда в России – ни раньше, ни позже – состав защиты на политическом процессе не был таким блестящим, как по делу «193-х». Здесь был представлен почти весь цвет российской адвокатуры. Эти люди так или иначе оказались связанными с революционерами – идейно, лично или родственными узами. Так, «король адвокатуры» В. Д. Спасович, например, был ближайшим другом Сигизмунда Сераковского. «Совесть адвокатского сословия» Д. В. Стасов долгое время поддерживал приятельские отношения с А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским. Е. И. Утин был братом основателя и руководителя Русской секции I Интернационала Н. И. Утина, В. О. Люстиг – братом народовольца Ф. О. Люстига (осужденного на 20 лет каторги), Г. В. Бардовский – братом социалиста П. В. Бардовского (повешенного жандармами ранее). Что же касается знаменитого оратора П. А. Александрова, то он сам лично числился в списках III отделения как лицо весьма неблагонадежное... А молодой Н. П. Карабчевский, впоследствии ставший лучшим адвокатом России, был женат на сестре народовольца С. А. Никоннова. Подобным образом с революционерами оказались связаны 35 участвовавших в процессе защитников!

Естественно, адвокаты не давали обвинению ни единой спокойной минуты; за два дня до окончания процесса представитель III отделения жаловался императору на то, что «защитники, вместо того чтобы сдерживать подсудимых, подстрекают их».

15 ноября 1877 года произошло кульминационное событие суда над народниками. В этот день на заседании выступил Ипполит Мышкин, чья речь, предварительно согласованная с остальными подсудимыми и выражавшая их общую точку зрения, стала одной из наиболее знаменитых в истории политических процессов. Мышкина, успевшего поведать присутствующим об основных идеях народнического социализма, разоблачить антинародную политику царизма после «мнимого освобождения крестьян» и предупредить, что нынешнее положение народа чревато революционным взрывом, председатель суда прерывал 60 (!) раз. В конце обвиняемый сказал: он имеет полное право назвать этот суд отвратительной и позорной комедией.

Председатель суда хотел удалить речистого народника из зала, но другие подсудимые ему помешали это сделать. В помещении завязалась самая настоящая драка; Мышкина жандармам все же удалось выволочь за дверь, а его товарищи по несчастью тем временем бросали в лицо судьям обвинения. Дмитрий Рогачев, который мог легко завязать узлом кочергу, до полусмерти перепугал сенаторов, пару раз основательно потряхнув решетку, за которой сидели народники.

Такого в истории криминалистики не случалось ни разу. Достаточно сказать, что председатель суда просто сбежал, даже не объявив о закрытии заседания. В зале стоял невообрази-

мый шум. Желеховский причитал: «Это настоящая революция!» Наконец вооруженной охране удалось выпроводить присутствующих и отправить подсудимых обратно в камеры.

Речь Мышкина обошла мировую прессу, сильно подорвав авторитет российского суда и дома Романовых. Обвинение решило передать слушание «дела 193-х» в военный суд, однако адвокатура настояла на продолжении публичного процесса, который закончился только 23 января. Итог его для властей оказался печальным: вместо обличения «крамолы» правительство предстало в совершенно неприглядном свете.

Чтобы сгладить общее негативное впечатление от процесса, Особое присутствие приняло решение смягчить приговор и даже рискнуло оправдать 90 человек обвиняемых. К тому моменту они уже успели отбыть по три-четыре года предварительного тюремного заключения... Но Александр II с этим постановлением не согласился, отправив 80 из 90 оправданных в административную ссылку; 39 народников были приговорены судом к ссылке, 32 – к тюремному заключению, а 28 – к каторжным работам на срок от трех с половиной до 10 лет. Самый большой каторжный срок получили пятеро подсудимых: Мышкин, Войноральский, Ковалик, Рогачев и Муравский. Ипполит Мышкин 19 апреля 1882 года бежал с Нерчинских каторжных рудников, добрался до Владивостока, но там был схвачен и доставлен в Шлиссельбургскую крепость, где заточен навечно в одиночную камеру. Но он и в Шлиссельбурге не опустил рук, боролся, протестовал, запустил тарелку в физиономию смотрителю-изуверу и за это 26 января 1885 года был расстрелян.

Кстати, никто из 193 осужденных прошение о помиловании так и не подал. Вместо этого 24 народника перед самой отправкой на каторгу обратились к «товарищам по убеждению» с политическим завещанием. «Процесс 193х» произвел огромное впечатление на современников; он всколыхнул как Россию, так и Европу, а также способствовал активизации оппозиционных царизму сил. ...А ведь все могло быть иначе, если бы власть не превратила обычное расследование в цирк едва ли не мирового масштаба. Вот уж действительно: «Какой мерой меряете...»

Убийство Авраама Линкольна

Убийство Авраама Линкольна

Трагедия произошла в вашингтонском театре Форда в 1865 году. Преступник, популярный в то время актер и самый красивый мужчина в городе (по мнению подавляющего большинства женщин) Джон Уилкс Бут, беспрепятственно прошел в президентскую ложу и выстрелил высокому гостю в затылок. Линкольн скончался на следующее утро. Сам Бут, которому удалось бежать из театра, был убит спустя несколько дней во время организованной за ним погони.

Складывается впечатление, что самой опасной должностью в мире является пост президента Соединенных Штатов Америки. Ведь никакая служба безопасности не может дать гарантию, что очередной глава Белого дома не пополнит скорбный перечень своих предшественников, отправившихся к праотцам досрочно стараниями какого-нибудь потомка Герострата. Первым в списке покушений на жизнь американских президентов значится убийство Честного Эйба – Авраама Линкольна.

Утро 14 апреля 1865 года началось для хозяина Белого дома как обычно. Ничего не указывало на то, что этот день станет для Линкольна последним. Всего лишь три года назад Честный Эйб пережил очередное покушение: пуля наемного убийцы пробила его шляпу, не причинив, однако, никакого вреда здоровью. Вообще, в Америке многие не любили этого человека: отменив рабство, Линкольн тем самым нажил себе немало врагов среди белых плантаторов, которые по его милости лишились бесплатной рабочей силы. К тому же после нескольких покушений сам президент, похоже, смирился с мыслью о том, что кто-нибудь из его «доброжелателей» все же достигнет поставленной цели и отправит его на тот свет. На рассуждения по поводу способов усиления охраны первый человек Америки мрачно отшучивался: мол, единственный надежный способ уберечь президента – это посадить его в железный ящик; в этом случае безопасность главе государства, конечно, будет обеспечена, зато и выполнять свои непосредственные обязанности он не сможет... Тем не менее, впервые постоянные телохранители появились именно у Линкольна. Кроме того, некоторое время президента оберегали сыщики чикагского сыскного бюро Алана Пинкертон, которые сумели предотвратить несколько покушений на главу правительства. Пинкертон, доживший до 1884 года (его агентство просуществовало до 1999 г.), любил повторять: если бы его люди постоянно охраняли жизнь 16-го

президента США, он бы скончался разве что от глубокой старости... Но поскольку Линкольн являлся, по сути, «военным» президентом, о его безопасности заботилась в основном армия.

Просмотрев, как обычно, почту, Линкольн в 11 часов утра отправился на заседание кабинета. Там же присутствовал герой Гражданской войны генерал У. С. Грант. После совещания президент попросил его задержаться и поинтересовался: не сможет ли генерал с супругой сопровождать его и миссис Линкольн в театр Форда. Там как раз шла комедия Тома Тэйлора «Наша американская кухня», и весь Вашингтон восторгался игрой знаменитой актрисы Лауры Кин. Грант посетовал: он бы с удовольствием составил компанию высокопоставленной чете, но вечером в Нью-Джерси его будут ждать сыновья. Бравый генерал понятия не имел, что этот отказ от посещения храма искусства спасет ему жизнь... Тем временем личный секретарь Линкольна Кеннеди предупреждал своего босса об опасности этой поездки и настаивал на отмене запланированного посещения театра, о котором знал весь город. К сожалению, Честный Эйб отмахнулся от навязчивого советчика.

Актеры театра Форда знали, что 14 апреля на спектакль собирается заехать сам президент. Особенно возбудило это известие одного из ведущих артистов, Джона Бута. Красавчик, принадлежавший к числу ярых экстремистов-южан, люто ненавидел Линкольна. Он считал, что политика президента, собственно, и привела страну к Гражданской войне. Так что актер с удовольствием присоединился к группе заговорщиков, поставивших своей целью устранение неугодного главы государства. Вариантов предлагалось множество. Рассматривалась даже возможность похищения Линкольна и использование его в качестве заложника для обмена на арестованных конфедератов-южан. Однако конечный вердикт организаторов покушения был таков: Линкольна предстояло публично убить (этот вариант расправы казался наиболее эффективным и драматичным), а вслед за этим последовательно устранить вице-президента Эндрю Джонсона и госсекретаря Уильяма Сьюарда.

Итак, 14 апреля 1865 года по мнению убийц сложились идеальные условия для реализации первой части плана «корректировки» государственной политики. В вашингтонском пансионе Мэри Саррот Бут спешно встретился с другими заговорщиками – Джорджем Ацеротом, Сэмом Арнольдом, Дэвидом Хэролдом и Льюисом Пейном. Детали плана группа обсуждала за бутылкой виски. Странно, но алкогольные пары, оказывается, способны не только толкать на различного рода «подвиги», но и будить впавший в кому здравый смысл. Во всяком случае, крепко выпив и набравшись храбрости, один из заговорщиков – Сэм Арнольд – заявил, что выходит из дела и не собирается принимать участия в покушении.

Четверо приятелей, высказав в адрес «отступника» все, что они по этому поводу думали, взялись распределять между собой роли. В итоге Пейну и Хэролду предстояло расправиться с госсекретарем, Ацероту следовало взять на себя убийство вице-президента (вместо решительных действий в указанное время заговорщик до полусмерти напился в ближайшем кабаке), а «честь» уничтожения президента досталась Буту.

Линкольн все же нашел себе и супруге компанию для посещения театра. Около девяти вечера он появился в своей ложе в сопровождении майора Генри Рэтбоуна и его невесты мисс Клары Харри. Комедия уже шла полным ходом, но около 2000 присутствовавших в зале зрителей поспешили подняться, приветствуя главу государства, а оркестр заиграл марш. Артисты выжидали, пока все снова усядутся на свои места, и возобновили спектакль.

В 21.30 к зданию театра подъехал одетый во все черное и тщательно загримированный Бут, вооруженный двумя кольтами, пистолетом и двумя ножами. Часовому у двери он показал какой-то пропуск, который тот в полутьме даже не смог прочесть. Артист сказал, что должен передать президенту важное сообщение, и был пропущен наверх. Некоторое время он прятался у входа в ложу, выжидая подходящего момента. И тот вскоре представился. Один из охранников Честного Эйба, Джон Паркер, решил, что ничего страшного не случится за то время, которое понадобится ему, чтобы заглянуть в ближайший бар. Едва он скрылся из виду,

как Бут ворвался в ложу и спустил курок пистолета, выкрикнув лозунг южных штатов в Гражданской войне: «Смерть тиранам!» Пуля пробила голову президента и застряла в области правого глаза. Убийцу пытались задержать майор Рэтбоун, однако артист, ранив офицера ножом, сумел спрыгнуть из ложи на сцену. И тут Буту не повезло: он запутался в занавесе, упал на подмости, сломав ногу чуть выше колена. Тем не менее преступник сумел воспользоваться всеобщей суматохой, выбраться из театра и уехать верхом в неизвестном направлении. В то же самое время Пейн нанес удар ножом (по счастью, не смертельный) госсекретарю.

Авраама Линкольна тем временем с максимальной осторожностью усадили в кресло-качалку и перенесли в один из ближайших домов, куда срочно привезли врача. Но эскулап только бессильно развел руками. Помочь президенту могло разве что чудо, но его так и не случилось. Утром 15 апреля печальный список президентов США, погибших на своем посту, был открыт...

В оговоренном месте Бут встретился с Хэролдом, после чего сообщники отправились в штат Мэриленд, где рассчитывали получить убежище у единомышленников-южан. Поскольку сломанная нога все сильнее беспокоила актера, ему пришлось обратиться к знакомому врачу. Тот наложил на поврежденную конечность шину, и беглецы снова тронулись в путь. Но спустя 11 дней после трагедии в театре убийцу и его сообщника выследили и окружили на табачной ферме в штате Вирджиния. Переговоры с преступниками затянулись, поскольку добровольно сдаться в руки военных, осадивших здание, Бут желанием не горел. Наконец, терпение «загонщиков» лопнуло – ферму подожгли, после чего Хэролд решил, что лучше быть малодушным, но живым, чем героем, но свежеподжаренным. Бут же, прекрасно представлявший себе, что его ждет в случае ареста, предпочел застрелиться. Правда, существует предположение, что убийцу застрелил кто-то из преследователей, нарушив тем самым предписание военного министра Стентона: «Взять убийцу президента живым!» Такую возможность имел, например, подполковник Конджер – один из офицеров тайной полиции, руководивших операцией по захвату Бута. О том, что артист не был полоумным фанатиком-одиночкой, как принято считать, говорит не только обнаруженный в кармане убитого чек на весьма крупную сумму, подписанный главой Конфедерации. О том, что за спиной Бута скрывались весьма влиятельные персоны, заставляют задуматься еще несколько фактов. Так, убийца президента, получивший пулю, прожил еще три с половиной часа, причем все это время он находился в полном сознании. Врач, осматривавший смертельно раненого, предупредил военных, что часы его пациента сочтены, поэтому для получения информации о покушении стоит поспешить произвести допрос. Однако, несмотря на это, актера так и не допросили... Что же касается дневника Бута, то его военный министр почему-то счел необходимым скрыть от суда. Когда же власти официально затребовали у Стентона данный документ, в нем отсутствовали 18 страниц. Что хотел скрыть военный от следствия? И что означала странная фраза, выведенная рукой Бута: «Я почти склонен вернуться в Вашингтон и... оправдаться, что, как мне кажется, я смогу сделать». Похоже, оправдаться убийца мог только в одном случае – раскрыв имена своих высокопоставленных сообщников, так и оставшихся в тени. А их было, судя по всему, немало. В записках есть упоминание об 11 членах конгресса, 12 армейских офицерах, трех офицерах флота и 24 гражданских лицах: губернаторе, журналистах, крупных банкирах, богатых промышленниках. Кроме того, в Америке долго ходили слухи о том, что Бут не был убит, что правительство разыграло этот спектакль с единственной целью: закрыть дело об убийстве президента. Сам же исполнитель «заказа» якобы прожил еще 38 лет, правда, под конец жизни он спился и наложил на себя руки. Тем не менее ответа на вопрос, был ли на самом деле Бут убит, как ни странно, нет и поныне.

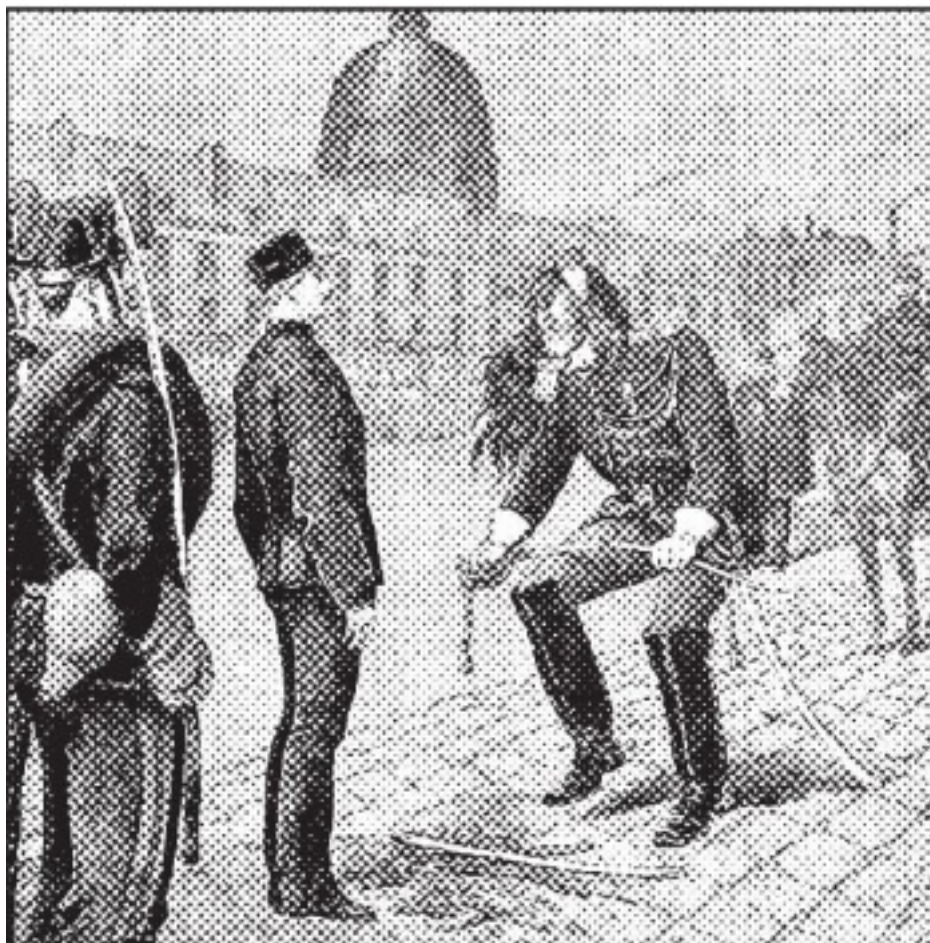
Участников заговора достаточно быстро нашли и уперли за решетку. Решением их дальнейшей судьбы предстояло заниматься военному трибуналу. Почему не гражданскому суду, спросит любознательный читатель. Да потому, что, как сказал Джеймс Спид, который был

Генеральным прокурором в то время, «во время войны законы и обычаи военного времени становятся частью общих законов страны». Итак, на громком судебном процессе заговорщиков признали виновными в подготовке убийства президента США и покушении на госсекретаря. Трех наиболее активных лиц приговорили к смертной казни. Сэма Арнольда, не принимавшего участия в покушении, но не предупредившего об их подготовке охрану Линкольна, ждали пожизненные каторжные работы. Та же участь постигла хирурга Сэмюэла Мадда, «собравшего» ногу убийцы. Что же касается рабочего сцены Эдварда Спенглера, по чьей вине Бут сумел выбраться из здания театра, то он получил шесть лет тюремного заключения.

Но финал истории убийства Честного Эйба не дописан и по сей день. Интересно, будет ли это дело пересмотрено в будущем? Всплывут ли новые факты и имена, некогда ускользнувшие от следствия или старательно не замеченные официальными лицами?

Дело Дрейфуса

С процессом по делу капитана французской армии Альфреда Дрейфуса, обвиненного в измене родине и приговоренного к ссылке на остров Дьявола (Французская Гвиана), связан самый большой скандал во Франции в конце XIX века. В итоге страна оказалась расколотой на две части, а правительство и армия были парализованы последующие 12 лет. Лучшие умы государства того времени считали капитана невиновным в инкриминируемом ему преступлении. Этот процесс сыграл огромную роль в общественной жизни Франции и Европы конца XIX века.

Публичное разжалование Альфреда Дрейфуса

А началась вся эта детективная история с трагическим концом с... обычной корзины для бумаг. Собственно, такая завязка сюжета для литературных произведений подобного жанра – вещь достаточно типичная. Вот только в данном случае речь шла не о романе, а о реальной жизни.

Итак, однажды французские контрразведчики обнаружили в мусоре, накопившемся в корзине в кабинете полковника Шварцкоппена, военного атташе немецкого посольства в Париже, рукопись, в которой подробно излагались планы французских фортификационных сооружений. Некоторые детали изложения указывали на то, что над данной бумагой поработал не простой шпион, а работник Генерального штаба.

Естественно, контрразведка проявила вполне объяснимый интерес к автору найденного опуса. Установление личности шпиона спецслужбы начали с того, что сопоставили почерк сотрудников Генштаба с почерком автора рукописи. В итоге кому-то из участников розыск-

ных мероприятий показалось, что почерк одного из сотрудников проверяемой организации – 35-летнего Альфреда Дрейфуса – чем-то напоминает (!) манеру письма неизвестного шпиона.

Столь ничтожной зацепки для ареста капитана, понятно, было недостаточно. Тогда французские контрразведчики взялись «копать» прошлое подозреваемого. Выяснилось, что никаких причин изменять своей стране у военного не было. Однако при сборе информации всплыл интересный факт: этот богатый, холодный, сдержанный и малообщительный человек, отличавшийся склонностью к снобизму, на самом деле не француз по национальности, а еврей. Да к тому же родившийся в самой восточной провинции государства, густо населенной немцами, – Эльзасе. Да, Франция была первой европейской страной, предоставившей евреям равные права, но, тем не менее, давние традиции ненависти к ним так и остались неизжитыми. Это особенно наглядно проявилось в ситуации, когда подвернулась возможность свалить на представителя гонимой расы чужие грехи. Кстати, даже более прогрессивные в этом вопросе «левые», хотя и выступавшие в деле Дрейфуса против правительства, церкви и военных, на сторону несчастного капитана стать отказались. Лидеры «левых» настояли, чтобы социалисты в защите псевдошпиона не участвовали, чтобы не дать «еврейским капиталистам» шанс «использовать реабилитацию одного еврея и смыть тем самым все грехи Израиля». Лишь годы спустя некоторые французские социалисты признали правоту защитников Дрейфуса.

Понятно, что упустить такую возможность быстро и победоносно завершить дело о шпионаже не упустила бы ни одна спецслужба мира. Раз уж обстоятельства милостиво подсовывают контрразведчикам едва ли не идеального кандидата в шпионы, кто из боссов этой организации, находясь в здравом уме, откажется от такого подарка судьбы?! А тратить время, чтобы искать подлинного автора рукописи, – совершенно лишняя блажь...

В общем, спустя весьма непродолжительное время, 22 декабря 1894 года Дрейфус был обвинен в измене родине и загремел за решетку до суда, а газеты всюду кричали о скандальном расследовании. Антисемитские издания радостно сообщали о поимке очередного «шпиона-еврея», но большинство газет и журналов выражали сильное сомнение в том, что спецслужбы вышли именно на того человека, который писал о секретах французских фортификаторов. «Это мы еще посмотрим, кто арестован», – скептически хмыкали авторы изданий и высказывали требование проведения открытого процесса над обвиняемым.

Тем не менее ни о каком открытом процессе речь не шла – Дрейфуса ждал трибунал. Единственной уликой, которой располагало обвинение, по-прежнему оставалась злосчастная рукопись. А с ней, кстати, и правда было не все чисто. Во всяком случае, трое из пяти графологов, работавших с данным документом, решительно утверждали, что Дрейфус никакого отношения к нему не имел. Однако на трибунале фигурировали показания двух других экспертов. Возможно, почерк анонимного автора и напоминал им почерк подсудимого, но, скорее всего, графологам было не с руки связываться с военной разведкой, открывшей сезон «охоты на ведьм» и решительно настроенной повесить всех собак на столь подходящего кандидата в предатели родины...

Когда суд вызвал для дачи показаний представителя контрразведки, тот заявил, что в Генштабе уже давно завелся шпион, и военное ведомство долго билось над установлением его личности. Наконец, мол, справедливость восторжествовала, и... «Этот изменник сидит здесь!» – патетически воскликнул свидетель обвинения, в тот момент больше всего напоминавший плохого актеришку, играющего на сцене захудалого провинциального театра. Судьи, и сами, видимо, сомневавшиеся в виновности капитана, попросили контрразведчика обосновать свои обвинения в адрес Дрейфуса. Но вояка не стал вдаваться в подробности (возможно, ему просто нечем было подтвердить свои слова), а заявил: существуют секреты, которыми порядочный офицер не станет делиться даже с собственной шляпой... Оказалось также, что документальные материалы, на которых якобы и строилось обвинение, вообще не были представлены в суд! Контрразведка объяснила, что дело тут в особой секретности бумаг...

В итоге Альфред Дрейфус, вина которого, по сути, так и не была доказана, оказался приговоренным к разжалованию и ссылке в Южную Америку. В январе 1895 года его препроводили к месту пожизненной ссылки, на остров Дьявола. Перед отправкой в Гвиану с экс-капитана публично сорвали эполеты и провели перед негодующим строем военных. Затем, уже в порту, «шпиона» жестоко избили местные жители...

Правда, счастье жертве судебной ошибки все же улыбнулось: через некоторое время сменился начальник французской контрразведки. Новый глава этой организации не являлся таким махровым антисемитом, как его предшественник. Не будучи уверенным в том, что в случае с Дрейфусом суд не допустил ошибки, он отдал приказ о продолжении тайной слежки за немецким атташе. Вскоре выяснилось, что Шварцкоппен благополучно продолжает получать из Генштаба секретные сведения. Значит, «шпион», осужденный трибуналом и пребывающий на острове Дьявола, ничего общего со шпионажем в пользу немцев не имел?! Наконец спецслужбы выяснили: все ниточки следствия ведут к одному лицу, имевшему доступ к бумагам, хранившимся в Генштабе, – майору Эстергази, сыну французского генерала. Этот офицер любил сорить деньгами и по уши увяз в долгах. Чтобы решить свои финансовые проблемы, майор, похоже, мог продать по сходной цене даже родную мать, а не то что отечество...

Сложно сказать, каким образом информация о выходе контрразведки на настоящего предателя попала в газеты, но печатные издания радостно ухватились за «жареные» сведения и подняли нешуточный шум. Во Франции сразу же начало набирать обороты движение за оправдание Дрейфуса, которое вскоре приняло угрожающий размах. А тут еще один из служащих контрразведки, первым заговоривший о виновности капитана, признался, что в данном случае им был совершен... подлог. Французская военщина, прекрасно осведомленная о том, что все улики указывают на другого сотрудника Генштаба, при содействии лидеров правого крыла в правительстве тайно ликвидировала доказательства невиновности Дрейфуса. Клеветника арестовали и до выяснения обстоятельств отправили в тюремную камеру. Там вояка при невыясненных обстоятельствах погиб, перерезав себе горло. Эстергази же, виновный в шпионаже и краже секретных документов, 11 января 1898 года был оправдан военным судом, причем участники заседания сделали для этого все возможное. У подсудимого даже обыска не провели! А как могло быть иначе, если Генеральный штаб и военное министерство хором давили на суд, заставляя его двигаться в желательном для военных властей направлении. Ведь признание ошибки, допущенной на предыдущем процессе, могло серьезно повредить престижу армии! Вот и были сфабрикованы новые «доказательства» вины Дрейфуса, а настоящий предатель отделался легким испугом. Сразу после снятия обвинения Эстергази бежал из Франции. Спустя некоторое время он «всплыл» в Лондоне, где и провел остаток жизни, скрываясь от правосудия. Кстати, попав за границу, майор заявил, что автором скандального документа и в самом деле был он...

Получив столь ошеломляющие сведения, французская Фемида решение суда по делу Дрейфуса отменила. Без вины виноватый капитан, который успел пять лет провести на положении узника на острове Дьявола, был доставлен в Париж для нового судебного заседания. Сильно постаревший, изможденный и больной, офицер вызывал у большинства своих соотечественников искреннюю жалость и сочувствие. При рассмотрении дела в кассационном суде выяснилось, что в деле Дрейфуса имеется не один, а множество подложных документов, и что первый обвинительный приговор был вынесен на основании данных, сообщенных судьям в совещательной комнате и не предъявленных ни обвиняемому, ни его защитнику. Резолюция кассационного суда почти предрешила оправдание. Вторичный разбор дела военным судом происходил осенью 1899 года в Ренне. Общественное возбуждение и напряжение достигли крайних пределов: во время процесса было даже совершено покушение на жизнь защитника Дрейфуса, Лабори, который, впрочем, отделался легким ранением. Свидетелями обвинения выступили, между прочим, пять бывших военных министров (Мерсье, Бильо, Кавеньяк, Цур-

линден и Шануан), Буадеффе, Гонз. Они, не приводя доказательств, настаивали на виновности капитана. Защита, в свою очередь, требовала вызова Шварцкоппена, но в этом ей было отказано. Однако немецкий атташе все же сделал заявление через печать, что документы им получены от Эстергази лично, а германское правительство напечатало в «Reichsanzeiger» официальное заявление, что с Дрейфусом оно никогда дела не имело. Процесс тянулся с 7 августа по 9 сентября 1899 года. Затем судьи... снова признали обвиняемого виновным в государственной измене! Теперь многострадального капитана приговорили к 10 годам тюремного заключения...

Соотечественники Дрейфуса буквально задохнулись, узнав о столь отъявленном свинстве со стороны судебных властей. Жертва амбиций прежнего руководства контрразведки, капитан мог рассчитывать на «компенсацию морального ущерба», а вместо этого снова загремел за решетку. Ну и где справедливость?! Некоторые писатели и другие общественные деятели Франции решили вместе выступить против вопиющего беспредела. В стране назревал нешуточный бунт, подогретый высказываниями представителей «мозговой элиты». Особенно отличился в то время знаменитый романист Эмиль Золя. Франция была по-настоящему шокирована, ознакомившись с газетной статьей мэтра литературы под названием «Я обвиняю». «Пусть погибнут все мои книги, – писал Золя, – если Дрейфус не является невиновным... Я не хочу, чтобы моя страна осталась во лжи и несправедливости. Когда-нибудь Франция поблагодарит меня за помощь в сохранении ее чести». Это страстное заявление Золя настолько потрясло общественное мнение, что правительству оставалось либо освободить Дрейфуса, либо арестовать Золя. К несчастью, оно выбрало второе. Золя был обвинен в клевете, приговорен к четырем годам тюремного заключения и 3000 франков штрафа. По счастью, писатель успел уехать в Англию и потому избежал сидения за решеткой. Вся Франция тем временем поделилась на дрейфусаров и андрейфусаров, между которыми разгорелась ожесточенная борьба. Политические партии под влиянием этого дела в 1898–1899 годах были, фактически, перетасованы заново. На стороне обвинения выступило все военное сословие Франции, в том числе военные министры, весь Генеральный штаб, клерикалы, националисты и антисемиты. Радикалы же и социалисты в подавляющем большинстве стали на сторону несчастного капитана.

Наконец, система дрогнула: Альфред Дрейфус, который уже начал обживать тюремную камеру, в 1900 году был помилован. Спустя два года его соотечественники начали настаивать на необходимости полной реабилитации жертвы судебной ошибки. К тому времени пало французское правительство, сильный антисемитизм католической церкви Франции был обуздан, армия пережила массу серьезных потрясений. В ноябре 1903 Дрейфус подал очередную кассационную жалобу, и дело перешло на новое рассмотрение кассационного суда. В марте 1904 вышло постановление о проведении дополнительного следствия. Новый процесс по делу Дрейфуса, состоявшийся два года спустя, закончился признанием полной невиновности капитана.

Изрядно потрепавшего себе здоровье военного восстановили в армии, после чего присвоили ему звание майора и произвели в кавалеры ордена Почетного легиона. Без сомнения, эта высокая награда была предметом мечтаний многих французов, не за страх, а за совесть служивших своему отечеству. Но не слишком ли высокую цену заплатил за нее Дрейфус? Впрочем, его мнения на этот счет ни люди, ни судьба не спрашивали...

Процесс над Николло Сакко и Бартоломео Ванцетти

Этот громкий судебный процесс, длившийся около семи лет, большинство специалистов и самих граждан США считают главным позором американской судебной системы. Дело Сако и Ванцетти, по сути, стало следствием поразившей Штаты паранойи в отношении пресловутой «красной опасности». Ведь по закону этих двух итальянцев не имели права даже задерживать, поскольку полиция не располагала поводом для этого. Но суд специально подобранных присяжных, опираясь на показания лжесвидетелей и подтасованные данные экспертиз, вынес вердикт о виновности Сако и Ванцетти, а судья штата и федеральные судебные органы отклонили, вопреки существовавшим в США процессуальным порядкам и убедительным доводам защиты, все ходатайства о пересмотре дела. Так что эмигранты все же отправились на электрический стул, потому что являлись иностранцами и анархистами...

Николло Сакко и Бартоломео Ванцетти

15 апреля 1920 года в американском местечке Байнтри под Бостоном (штат Массачусетс) двумя неизвестными лицами были ограблены и убиты инкассатор Фрэд Парментер и его охранник Алессандро Берарделли. Жертвы разбойного нападения везли зарплату на местную обувную фабрику. Перед зданием предприятия Парментер и Берарделли (тот был вооружен пистолетом 38-го калибра) вышли из автомобиля; под мышками мужчины держали несгораемые коробки, в которых находилось 160 000 долларов. У самой ограды фабрики инкассатора и охранника атаковали двое бандитов. Но оба работника предприятия оказали активное сопротивление грабителям, и один из неизвестных открыл стрельбу. Три пули прошли Берарделли, он упал на колени и начал кашлять кровью. Парментер же, получивший одно ранение, упал,

уронив коробки, а затем приподнялся и пополз в сторону расположенной неподалеку канавы, которую копали рабочие-итальянцы. Тогда тот же нападавший догнал инкассатора и добил его выстрелом в упор. Затем бандит вернулся к охраннику и на глазах десятков свидетелей дважды выстрелил в него. Окружающие не успели отойти от шока, когда к зданию подъехал «бьюик». Спустя несколько мгновений грабителей и след простыл... Свидетели дали показания, что убийцами были два итальянца, после чего к следствию оказались привлечены десятки американцев итальянского происхождения.

Прошло всего несколько дней, и полиция штата раструбила: преступление раскрыто, виновные задержаны. Арестованными оказались 29-летний рабочий обувной фабрики Никколо Сакко и 32-летний торговец рыбой Бартоломео Ванцетти. Мужчин просто остановили на улице и надели на них наручники. Оба итальянца являлись анархистами-эмигрантами, активистами рабочего движения, руководившими забастовочной борьбой. Сотрудники правоохранительных органов объявили: при задержании подозреваемых у них в карманах было найдено заряженное огнестрельное оружие. Естественно, полиция решила, что виновные в убийстве и ограблении уже обнаружены, и перестала «копать» дальше. К тому же предполагаемые бандиты практически не владели английским и на вопросы следователя отвечали через переводчика. В итоге их показания вообще не были учтены! Не имевших судимостей и обладавших практически стопроцентным алиби мужчин упекли за решетку. А то, что на их стороне выступили другие американские итальянцы, сыграло обвиняемым плохую службу. Следователи просто заявили: «свои» покрывают реальных убийц.

Начало 20-х годов прошлого века в Америке было очень беспокойным периодом. В США росла антикоммунистическая и антиэмигрантская истерия, власти устраивали рейды против любых радикальных политических сборищ (в том числе собраний социалистов и членов профсоюзов). Полиция начала повсеместные погромы левых организаций, тысячи рабочих-эмигрантов в спешном порядке выдворялись из страны. Собственно, поэтому следствие и суд по делу мнимых убийц-итальянцев представляли собой жестокий и отвратительный фарс. Протоколы допросов и очные ставки, проводимые служителями Фемиды, поражали невероятным количеством лжесвидетельств, циничностью и ненавистью – как классовой, так и расовой. Просто на фоне развернувшейся истерии эмигранты, принадлежавшие к радикальному политическому направлению, идеально вписывались в образ врага, поэтому на них и поспешили взвалить двойное убийство и ограбление. Сделать это оказалось слишком уж тяжело, поскольку оба итальянца принадлежали к воинственной группе Галиани – «динамитчикам» террористам, которые обвинялись во взрывах домов судей и прокуроров, произведенных одновременно в семи американских городах 2 июня 1919 года. Кстати, по иронии судьбы, единственным пострадавшим в этих актах стал... один из анархистов! И еще один интересный факт: если Сакко, возможно, и приложил руку к тем терактам, то Ванцетти никогда лично ни в каких акциях не участвовал. И уж тем более эта «взрывоопасная» парочка не была причастна к инкриминируемым им грабежу и убийствам. Сакко во время процесса сказал: «Я – политический борец, преданный своему делу, но нелепо обвинять меня в бандитизме и грабеже». И еще – многие специалисты по-прежнему считали итальянцев – жертв Фемиды – убежденными пацифистами. Несмотря на связь с группой Галиани, эти теоретики, говорили они, оказались способными разве что на громкие разглагольствования. Но следствие было неумолимо: украденные деньги требовались для проведения политической кампании группе анархистов, к которой принадлежали двое обвиняемых. И точка!

Дело Сакко и Ванцетти, сразу же объявленное левой интеллигенцией политическим, приобрело громкую известность. Тому, что на положение обвиняемых и на предвзятость следователей обратила внимание широкая общественность, мнимые убийцы были обязаны своим товарищам-итальянцам и представителям американской интеллигенции. Они добились создания специального комитета, который сделал подробности этого вопиющего процесса достоя-

нием гласности как в самих Штатах, так и далеко за их пределами. Комитет также организовал сбор средств, необходимых на оплату гонораров защитников. Тогда в пользу Сакко и Ванцетти здравомыслящие граждане разных национальностей перечислили гигантскую по тем временам сумму – около 400 000 долларов!

Скандалный процесс начался в июне 1920 года в городе Плимут. Сначала обоих итальянцев обвинили в незаконном ношении оружия (хотя такой статьи на тот момент просто не существовало!). Затем на Ванцетти попытались «повесить» соучастие в попытке вооруженного ограбления в Бриджуотере. Правда, у шофера бандитов, на которого несколько походил задержанный, были едва приметные усики, а Ванцетти с того момента, как у него появилась растительность на лице, постоянно носил роскошные длинные усы, не заметить которые мог только слепой. Но эта досадная «мелочь», как и неумение подозреваемого водить машину (!), в расчет не принималась. Так что Ванцетти дали 14 лет тюремного заключения, после чего к нему привязали также дело Сакко, с которым на тот момент власти вообще не знали, что делать. Ну не было в жизни обувщика криминального компонента, хоть плачь! Зато на «дуэт» анархистов удалось «повесить» дело об убийстве и ограблении...

На протяжении более чем шести лет это явно и грубо сфабрикованное дело практически не сходило со страниц европейской и американской прессы. И не удивительно – защите удалось раскопать такое невероятное количество фактов подкупа свидетелей, лживости обвинительных документов, результатов экспертиз и явной пристрастности суда, что казнь, к которой приговорили несчастных итальянцев, пришлось отложить. Картина вырисовывалась для полиции крайне неприятная: более 100 свидетелей подтверждали алиби итальянцев, доказывали, что обвиняемые не имеют никакого отношения к ограблению и убийству. В тот день Сакко встречался с друзьями и ходил в итальянское консульство, а Ванцетти мирно торговал рыбой на глазах десятков людей. Обвинение же смогло противопоставить этим свидетельствам утверждения всего 53 человек. Как оказалось, сторону обвинения поддержали... «липовые» свидетели! Их прокуратура, ничтоже сумняшеся, набрала из провокаторов и агентов охраны. Однако даже после того, как столь вопиющий факт стал известен, судья Вебстер Тэйер и прокурор Фердинанд Кацман продолжали делать из подсудимых козлов отпущения. Должностных лиц, похоже, нимало не смущал тот факт, что они всеми силами стараются подвести под смертный приговор заведомо невиновных лиц. В книге А. И. Виндберга «Черное досье экспертов-фальсификаторов» приводится множество документальных доказательств того, что осуждение итальянцев-анархистов отнюдь не являлось результатом судебной ошибки. О том, что этот суд был весьма далек от эталона справедливости, говорят не только явные подтасовки фактов, но и резкие высказывания судьи, прокурора и прочих должностных лиц. А староста жюри присяжных на процессе, некий Рипли, вообще заявил о подсудимых: «Их в любом случае следует повесить, есть ли доказательства их виновности или нет». Так что служители Фемиды просто не желали принимать в расчет даже самые очевидные факты. Интересно, что защита тогда предоставила суду материалы о местной гангстерской банде Морелли, один из членов которой внешне напоминал Ванцетти. Но брать на себя новую головную боль блюстители закона не пожелали и проверить эту версию отказались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.